

SunRise

Время
переметт

16+

Анна Клирик

Анна Клирик

Рассвет. Время перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67281677

SelfPub; 2022

Аннотация

Каждый год перед Рождеством жители города Нарвиль устраивают большую игру, где каждый участник обязан тайно сделать подарок другому. Основатель и вокалист рок-группы "SunRise", Томас Меймон, никогда бы раньше не подумал, что станет заниматься подобным. Его одноклассница, Кита Миасс, и вовсе не собиралась принимать в этом участие. Однако случай решил иначе и послал им незадачливого курьера, перепутавшего квартиры. С этого подарка, доставленного по ошибке, и началось время перемен.

Содержание

Пролог	4
I	6
II	24
III	59

Анна Клирик

Рассвет. Время перемен

Пролог

Сухой июньский ветер неторопливо гнал по тротуару одинокую узкую ленточку. Тонкая красная материя блестела на солнце, и казалось, будто это не она сорвалась с чьих-то волос, а маленькая шустрая змейка скользила по ровному асфальту. Ленточка умело обходила все препятствия на своем пути: заборы, велосипедные парковки, коляски и чужие каблуки.

Когда она стремительно пронеслась мимо ног одной из пешеходов, та невольно проводила ее взглядом, с трудом подавив желание броситься следом. Очередной порыв ветра взлохматил ее распущенные каштановые волосы. Девушка некоторое время не отрывала взгляда от поворота, за которым скрылся атласный красный хвостик. Все еще пребывая в раздумьях, она не глядя ступила на пешеходный переход.

И вздрогнула от резкого визга тормозов.

В нескольких сантиметрах от ее ног замер капот серебристого Nissan. Девушка чувствовала, как грязная вода из лужи неподалеку стекает по ее голым коленям, как от автомобиля волнами исходит тепло. Ее руки сжали сумку с такой силой,

что ногти впились в ладони, вот только боли она совсем не чувствовала.

– Ты совсем дура? – Из машины выскочил водитель – парень немногим старше ее. – На дорогу смотреть не пробовала?

Девушка медленно перевела ошеломленный взгляд с капота на водителя, будто бы не понимала происходящего. Ее губы приоткрылись в попытке что-то сказать, но слова так и застряли в груди. Водитель продолжал ругаться и выражения не выбирал, а она слышала его как сквозь слой ваты и машинально следила за его руками. К горлу вместо ответа на оскорбления подкатывала истерика.

Когда запас ругательств у парня иссяк, он раздраженно вздохнул и, засунув руки в карманы джинсов, отвернулся. Девушка глядела на светлую макушку, которая на солнце казалась почти белой, и ей овладевало желание огреть хама сумкой. Однако руки, побелевшие от напряжения, не шевелились, а ноги словно примерзли к дороге. Она понимала, что была не права. Но и он не имел права так с ней разговаривать!..

Из оцепенения ее вывел требовательный гудок автомобиля, вставшего за серебристым Nissan.

– Твою!.. – снова принялся ругаться водитель.

Девушка поджала губы и, воспользовавшись тем, что он отвлекся, побежала прочь с дороги.

I

В Нарвиле зима наступила быстро. Первые заморозки случились еще в ноябре, а в начале декабря снег уже надежно укрывал землю. Здесь, в восьмидесяти километрах от Верхнего озера, зимы всегда были снежными и холодными, а погода любила играть со столбиком термометра.

Утро первого декабря было холодным, как и все предыдущие дни. Небо еще темнело за окном, лишь одинокие проблески рассвета расплывались у горизонта, но и те терялись среди домов и городских огней. Шум машин еще не совсем заполнил город, но движение на улицах заметно оживилось. Тысячи людей собирались сейчас на работу: кто-то, чертыхаясь, заводил замерзший за ночь автомобиль, а кто-то уже спешил в переполненные автобусы.

Кита Миасс, студентка второго курса технического колледжа, молча собиралась на учебу. Она лениво перебирала тетради, слушая громкие споры родителей на кухне, и нарочно тянула время, чтобы не выходить на завтрак. Аппетита у нее этим утром не было, к тому же в последнее время за столом неизменно поднимали разговор, участвовать в котором ей хотелось меньше всего.

Вскоре споры на кухне стихли. Кита уныло подумала, что долго отсиживаться в комнате не удастся, и словно бы в подтверждение ее слов в дверь настойчиво постучали:

– Если ты не поторопишься, не успеешь позавтракать, – окликнула ее мама. – Тебе совсем скоро выходить.

– Знаю, – отозвалась Кита. – С собой возьму.

– Опять ты за свое. Неужели нельзя дома поесть?

– Не хочу. Сказала же, с собой возьму.

За дверью послышался безнадежный вздох, и Кита живо представила, как мама махнула рукой и недовольно сморщила нос. Когда она так делала, ее и без того узкие глаза становились еще меньше, делая ее похожей на китайянку. Впрочем, мама и так была китайянкой, пускай всего на четверть. Кита унаследовала от нее азиатские гены, и ее это жутко раздражало: из-за узковатых глаз, темных волос и округлого лица ее постоянно дразнили, что в школе, что в колледже.

Когда Кита появилась на кухне, мама уже мыла посуду, а ее отец, до того мирно читавший новости, оторвал взгляд от тонких серых страниц и внимательно посмотрел на дочь поверх очков. Кита никогда не могла понять его увлечения бумажными газетами – в конце концов, двадцать первый век на дворе, все давно перешли в онлайн.

– Завтра у нас самолет, – наконец, сказал он, вновь возвращаясь к новостям. – В аэропорт поедem сегодня днем. Сначала в Квебек, а потом...

– Потом в Египет, я знаю. – Кита отправила в рот половинку бутерброда и запила водой. – Вы мне тысячу раз уже говорили.

– Деньги на крайний случай оставим в прихожей, – про-

должила мама. – На продукты каждую неделю буду переводить. И еще мы договорились с тетужкой, на Новый год поедешь к ним.

– А если я не хочу? – уныло отозвалась она. – Можно я дома отпраздную?

Мама приподняла бровь.

– Одна? Нет, милая, так дело не пойдет.

Кита скривила губы: если мама обращалась к ней “милая”, значит, никаких поблажек ждать не стоило.

– Мне не пятнадцать лет, мам.

Женщина грозно сдвинула брови.

– Кита...

– Слушай, может, оставим ей выбор? – мягко перебил ее отец. – Захочет – поедет. Не захочет – ну и ладно. Она уже взрослая, в самом деле. Не думаю, что твоя сестра сильно обидится.

– Она может. Особенно если я пообещаю, а Кита не придет.

– А ты не обещавай ничего, – вставила Кита. – Если я захочу, сама ее предупрежу.

Мама неодобрительно покачала головой.

– Ты уверена, что хочешь праздновать Новый год в одиночестве?

Девушка криво улыбнулась.

– Ну хоть когда-то я могу посвятить праздничный вечер только себе?

– Как знаешь. – Она махнула рукой в излюбленном жесте и вернулась к мойке.

Отец потерял интерес к разговору и снова уткнулся в газету. Кита невольно задержала взгляд на одном из заголовков: “Большой новогодний концерт: молодая рок-группа “SunRise” выступит со специальной новогодней программой”.

– Я пойду, – наконец, сказала она, отводя взгляд, чтобы подавить соблазн прочесть статью. – Хорошей вам поездки.

– Ключи не забудь, – напомнила мама, вытирая тарелку. – И звони хоть иногда.

– Хорошо.

Кита выскочила в прихожую и поспешно сунула ноги в ботинки, словно бы они были волшебными и могли быстрее унести ее из дома. Не обращая внимания на наставления, которые мама бросала ей вдогонку, она подхватила сумку и звенящую связку ключей, после чего выскочила за дверь.

По своей натуре Томас был мягким, добродушным человеком, предпочитал избегать ненужных конфликтов и решать все проблемы мирно. Увы, так получалось не всегда. И случай был как раз из таких.

Все началось с того, что у квартиры, которую Томас снимал на границе старого и нового районов Нарвиля, в начале

ноября сменился владелец. Если быть точнее, владелец сменился у всего дома.

Квартира нравилась Томасу: шестой этаж, две отдельные комнаты и кухня, большой балкон с видом на национальный парк Аваша. И самое главное – приятные соседи и хорошая звукоизоляция. Последнее было для него особенно важно: далеко не каждый готов терпеть соседа-музыканта, каждый день тренирующего голос и игру на гитаре.

И все было бы отлично, и остался бы он в этой замечательной квартире. Если бы не одно “но”. Обычно Томас платил аренду на полгода вперед, в феврале и в августе. Но именно в этот раз он решил внести оплату только за осень – нужны были деньги на новые инструменты. Теперь он сильно жалел о своем решении: новый хозяин поднял цену почти в три раза, что оказалось музыканту совершенно не по карману.

Поначалу Томас пытался опровергнуть законность поднятия квартплаты. Когда он понял, что ни он, ни все жильцы вместе взятые ничего не могут с этим поделать, попытался договориться о снижении суммы хотя бы на треть. Новый владелец дома, полноватый дядька с небрежными седыми усами и чудовищным французским акцентом оказался не последним человеком в городе, состоятельным и, как случается с богачами, несколько заносчивым и высокомерным, а потому на уговоры не поддавался. В конце октября Томас понял, что ему придется съезжать с этой квартиры. У него оставался всего лишь месяц для поиска нового жилья.

Незапланированный переезд основательно попортил Томасу все планы – и не только ему, но и ребятам из музыкальной группы “SunRise”, которую он основал пару лет назад вместе с другом со старшей школы, Люком О’Миланом. Вместо того, чтобы готовиться к большому новогоднему концерту, пришлось временно сократить репетиции до одной в неделю, а работу над новым синглом и вовсе приостановить. А ведь помимо этого была еще учеба в колледже. Так что весь ноябрь Томас проклинал несговорчивого француза, из-за которого все планы пошли коту под хвост.

Лучшее, что смог найти Томас за столь короткий срок – недорогое жилье на окраине старого города. Дом внешне походил на обычную старую рентовку, каких было полно в спальных районах. Места было меньше, но зато цена приемлемая и от колледжа не очень далеко. И мебелью закупаться не нужно. На первое время перебиться хватит.

Новая квартира была небольшой, со спальней и гостиной, плавно переходящей в кухню. Судя по потертым обоям, кое-где отстающим от стены, выцветшему паркету и натянутым на старые кресла и диван чехлам, ремонт в ней не делали как минимум лет десять. Тем не менее, стараниями Томаса в ней удалось создать уют. Единственное, что портило картину – ящики с вещами, занявшие весь балкон. Половину из них музыкант не стал распаковывать в надежде, что вскоре сможет сменить жилье.

Новоселье, пусть и вынужденное, праздновали в конце но-

ября. Его друзья решили, что нет способа отдохнуть лучше, чем устроить вечеринку на полную катушку. Томас поначалу протестовал: времени и так было в обрез и нужно было наверстать упущенное. Однако переубедить парней не вышло.

– Еще не хватало, чтобы ты перед праздниками загнулся от переутомления, – пожурил его Люк, когда Томас выложил это друзьям. Клавишник всегда был самым чутким собеседником в их группе. Он улавливал чужие настроения, словно бы они были нотами, которые он мог слышать и переиграть.

Вечеринка получилась шумной. Даже очень. Ребятам она понравилась, и Томасу тоже. А вот его новым соседям – не очень. В самый ее разгар, когда из пятерых трезвым не остался никто, в дверь постучали. Сначала тихо, затем – громче и настойчивей. Стучала женщина, живущая через стенку. Томас тогда запоздало сообразил, что встречать нежданного гостя пошел Дилан, а он и толерантность – вещи несовместимые. Это вылилось в неприятный скандал, в результате которого оскорбленная соседка пригрозила позвонить в полицию. Томасу с трудом удалось все уладить: он пообещал, что больше они шуметь не будут, а в качестве извинений отдал коробку пирожных, которую принесли на новоселье близнецы-барабанщики, Колин и Коди. Соседка презрительно хмыкнула, но пирожные взяла. Отношения с ней были безнадежно испорчены.

Впрочем, после той ночи Томас практически с ней не ви-

делся. В колледж он уходил довольно рано, домой возвращался поздно, а шумные гости пока не спешили собраться у него вновь. Да он их и не ждал. Дел до Нового года было по горло.

– Тайный Санта? Никогда раньше не слышал.

Томас теребил плетенный нитками браслет, повязанный на запястье – подарок от одной из поклонниц на последнем концерте.

– Признаться, я тоже, – отозвался Люк. – Мне близнецы рассказали. Их младшие такой ерундой увлекаются в школе – дарят друг другу тайные подарки перед Новым годом и Рождеством.

– М-м-м, и как это работает?

– У них все просто. Они собирают имена участников, а потом делают жеребьевку. Вроде бы есть какие-то оговорки, какими должны быть подарки – скажем, не безделушки вроде магнитика или календарика из сувенирного киоска.

– Откуда ж у детей деньги на что-то дороже мелких сувениров из киоска? – хмыкнул Томас и бросил взгляд на часы. Через пару минут должна была начаться лекция по истории, а из присутствующих в кабинете были лишь они с Люком и несколько девочек из их группы, сидящие на первых рядах. Девочки не переставали шушукаться и бросать на парней ко-

тые взгляды.

– С обедов отложат. В конце концов, у родителей можно попросить. Это все равно, что сделать подарок другу, только друг тебе не знаком.

– Ты прекрасно знаешь, что не каждый может попросить об этом родителей. Не всем везет родиться в состоятельных семьях.

Люк хмыкнул, поймав камень в свой огород. Он был как раз из таких, кому повезло. Хотя о том, повезло ли, еще можно было поспорить.

Краем глаза Томас заметил движение и перевел взгляд. В кабинет зашла девушка, их ровесница; ее длинные каштановые волосы рассыпались волнистыми локонами по плечам. В сочетании с ними ее бледная кожа казалась совершенно белой, и даже слегка порозовевшие после улицы щеки не избавляли Томаса от мысли, что она походила на фарфоровую куклу. Казалось, что единственным живым местом на ней были ее узкие миндалевидные глаза, нежно-зеленые, словно первая зелень весной. Этими глазами она растерянно обвела кабинет, задержалась на музыкантах, после чего вздрогнула и поспешила в конец, чтобы занять свое место на заднем ряду.

– Ты чего? – Люк стоял спиной ко входу, а потому не увидел вошедшую. Проследив за взглядом друга, он обернулся. – А...

– Ничего. – Томас поморщился: он почему-то не мог

вспомнить ее имя и чувствовал легкую досаду и стыд.

– Ты смотришь на нее так, будто впервые видишь.

– Мерзкое ощущение – знать, что она твоя одногруппница, но не помнить, как ее зовут.

– Что, серьезно? – Люк сдавленно хмыкнул, стараясь не рассмеяться. – Впрочем, неудивительно. Это Кита Миасс, перевелась к нам в начале семестра. Она всегда такая тихая, ни с кем толком не разговаривает, одевается неброско и садится в стороне от всех, словно старается не привлекать к себе лишнего внимания. Странная немного. С твоей-то занятостью удивлен, что ты вообще ее заметил.

– Иди ты, – отмахнулся тот, оценив, как изящно Люк вернул пущенный в него камень. – Так к чему ты завел вопрос про этого тайного Санту?

– К чему... – откликнулся клавишник, словно пытался вернуть мысль, упущенную минуту назад. – А, точно. Близнецы.

– А что близнецы?

– Колин и Коди предложили поучаствовать в этом.

– Шутишь?

– Это ты у них спроси, они у нас эксперты по шуткам. Я посредник, и только.

– Ладно, допустим. С кем они предлагают это проверить?

– Насколько я понял, для тайного Санты каждый год в городе собираются люди. У них даже сайт есть. Все просто: оставляешь свои имя и адрес там, а потом в день икс тебе

выдают имя того, кому ты должен прислать подарок.

– А они не боятся, что кто-то может воспользоваться чужими адресами?

– Как я понял, организаторы снаряжают несколько человек, которые занимаются доставкой подарков. Им и выдаются все адреса.

– Интересно, кто все это финансирует... – задумчиво протянул Томас.

– Какая разница? Так что ты обо всем этом думаешь?

– Давай я выскажу свои мысли потом, ладно? – Томас кивнул на дверь, у которой появился лектор. За ним в аудиторию ввалилась половина их группы.

Люк пожал плечами и направился к своему месту.

Первую неделю Кита испытывала самое настоящее блаженство. Каждое утро мысль о том, что она была предоставлена самой себе, грела ей душу и заряжала хорошим настроением на весь день. Это не означало, что общество родителей ей было противно. Просто иногда ей хотелось побыть одной, покатать на языке столь взрослое слово “ответственность” и почувствовать, как расширяется ее личное пространство, вылезая за пределы маленькой комнаты.

Как человеку творческому, ей страшно хотелось свободы. Еще со школы она терпеть не могла строгие рамки и начи-

нала капризничать, когда ее пытались загонять в таковые. Всевозможные стереотипы и издевки на тему ее азиатских корней она воспринимала за такие попытки, из-за чего конфликтовала с преподавателями, регулярно получала выговоры и вообще слыла бунтаркой.

Впрочем, с тех времен почти ничего не изменилось. Разве что общество, окружавшее ее, стало злее и научилось давать сдачи. Получив пару раз отпор, Кита замкнулась в себе, почти перестала общаться со сверстниками. Ее детские капризы превратились в глухое раздражение и копившуюся обиду. Все ее внимание с борьбы за свободу переключилось на учебу, и вскоре репутация скандалистки превратилась в репутацию отличницы. Преподаватели стали чаще ее хвалить, одноклассники – еще больше ненавидеть. А Кита устраивала та стена, которой она отгораживала себя и свой внутренний мир от чужого вмешательства, ведь за ней можно было вдоволь наплакаться, пока никто не видит.

Даже после окончания старшей школы Кита так и не решилась снести эту стену. Друзей у нее толком не было, и заводить их она не спешила – боялась доверять. Слишком часто за свое доверие она получала лишь пустышку, предательство, похожее на нож, всаженный в спину. Единственная, кому можно было выговориться, рассказать обо всех проблемах, была ее подруга с началки – такая же повернутая на творчестве, как и она сама.

Утром восьмого декабря – была суббота – Кита как раз

звонила подруге с предложением устроить посиделки. Ей не терпелось использовать очередное преимущество жизни в одиночестве – возможность звать гостей когда угодно, не доставляя родителям неудобств и не выпрашивая у них разрешения.

– Конечно, не вопрос! – бойко тараторила Алис в трубку; где-то на заднем плане слышался лай ее пса, очаровательно хаски по имени Бенедикт. – Я как раз сегодня хотела закончить всю домашку и оттянуться где-нибудь. Ты, кстати, не хочешь пофоткаться перед Новым годом? Тебе фотки на халяву, мне опыт в копилочку.

– Не знаю. – Кита виновато улыбнулась и налила кипятка в кружку, прижимая плечом телефон к уху. – Я ж совершенно не фотогенична.

– Брось ты эти глупости! – принялась отчитывать ее подруга. – Ты просто очаровашка. С тобой такие классные зимние фотки могут получиться!

– Даже не знаю...

– А тебе и не надо знать. Я, как фотограф, все вижу!

– Будущий фотограф, – поправила ее Кита.

– Будущих не бывает. Есть только здесь и сейчас, и думать надо именно этими мерками. К слову, сколько ты еще будешь прятать свои чудесные рисунки в стол? Хоть бы показала их кому.

– А вдруг засмеют? Раскритикуют?

– Ну, началось... Ты так никуда не сдвинешься, дорогая

моя. До конца жизни намереваешься прятать свое “я” в выдвижной ящик стола? Впрочем, ладно, утро субботы – не то время, чтобы нотации читать.

– Да, – согласилась Кита, – давай лучше обсудим, когда собираемся.

– С шести я вся ваша, – с готовностью отозвалась Алис.

– Тогда подходи ко мне в половине седьмого. Я приберусь, схожу в магазин и чего-нибудь нам приготовлю, идет?

– Я принесу пирожных с нашей любимой кондитерской.

– Отлично. Думаю, наш скромный девичник пройдет на ура.

– Разумеется! Давай, до вечера. А я пойду гулять с этим балбесом – ему уже не терпится на улицу...

Последние слова подружки Кита пропустила мимо ушей. Выключив телефон, она села за аккуратный кухонный столик, где дымилась одинокая кружка с крепким черным чаем. Завтрак ее состоял из пары тостов с маслом и булочки, которую она купила на вечерней распродаже в пекарне на углу. Большого ей было не нужно, хотя и родители, и Алис постоянно журили ее за то, что она не уделяет завтраку должного внимания.

Кита сделала глоток из кружки и уже поднесла тост ко рту, когда в дверь позвонили. Девушка замерла и несколько секунд растерянно хлопала глазами, словно не могла поверить своим ушам. Гостей она не ждала, курьеров тоже. Кому понадобилось приходить к ней в такую рань – а девять утра

определенно рань для выходного – ей совершенно не шло в голову.

Вернув тост на тарелку, Кита поспешила к двери и заглянула в глазок. По ту сторону, переминаясь с ноги на ногу, стоял щуплый паренек в пуховике, который был явно на размер больше, чем нужно. В руках у него был не то сверток, не то пакет – разобрать Кита не смогла. Парень пожимал губы, постоянно оглядывался, бегал глазами по площадке, а его пальцы нетерпеливо постукивали по свертку.

Когда он занес руку, чтобы в очередной раз нажать на дверной звонок, Кита опомнилась и потянулась к замку. Услышав щелчок, незнакомец отшатнулся от двери и едва не выронил сверток из рук.

– Э... здравствуйте... – пролепетал он.

Кита оглядела гостя с ног до головы. Через глазок парень казался высоким и взрослым, тогда как в реальности оказался совсем мальчишкой – наверняка старшеклассник. Он смотрел на нее огромными оливковыми глазами, словно увидел восьмое чудо света.

– Доброе утро, – осторожно поприветствовала она. – Какими судьбами?

Парнишку это, кажется, окончательно напугало. Проробмотав себе под нос что-то про тайну и доставку, он сунул ей в руки сверток и поспешил убрать от него руки, словно передал не какую-нибудь посылку, а раскаленный кирпич.

– Эм... подожди, что это? – Кита растерянно оглядела

сверток и перевела было взгляд на “курьера”, но того уже и след простыл – по подъезду раздавался шум, словно кто-то поспешно сбегал по лестнице. – И что это было?

Она снова уставилась на сверток. На нем не было ни наклеек, ни каких-либо опознавательных знаков вроде упаковочной ленты, по которым можно было определить отправителя. Просто нечто, завернутое в белый пакет и неряшливо украшенное стикерами-снежинками. Человек, занимавшийся упаковкой, не имел чувство стиля от слова “совсем”.

Кита пожала плечами и вернулась в квартиру. У нее чай стыл на кухне, а это было на порядок важнее странных посылок.

Выдержки ей хватило лишь на половину кружки и два то-ста – все это время девушка косилась на стул, куда положила загадочный сверток. Затем любопытство пересилило, и, отложив недоеденный завтрак, она принялась разворачивать упаковку. В пакете обнаружился другой пакет, поменьше и прозрачный. В нем лежал картонный конверт и небольшая открытка, на которой неровным почерком по-английски было написано: “От тайного Санты, Томасу М. Уверен, подарок придется тебе по душе”.

– Томас М.? – удивленно пробормотала Кита, перебирая пальцами край картонного конверта. Она знала только одного человека с таким именем – ее одноклассника, больше известного как основатель и вокалист молодой, но перспективной рок-группы “SunRise”. Его фамилия – Меймон – даже

подходила под инициалы на открытке. – Нет, – одернула девушка себя, – такого быть не может. С чего бы вдруг ему баловаться такой ерундой? Да и вообще, как я могла получить посылку на его имя? Нет-нет, бред какой-то.

Кита осторожно распечатала конверт и заглянула внутрь, и сердце у нее ухнуло вниз. Внутри лежали две цветастые упаковки гитарных струн от Ernie Ball¹. Тут с логикой уже было не поспорить.

Некоторое время Кита изумленно таращилась на конверт. Чай и булочка были забыты, ведь перед хозяйкой дома стоял непростой вопрос: что делать с подарком?

– Наверное, стоит передать ему... – решила Кита и сама испугалась своих же слов. И как она себе это представляет? Если она просто подойдет к нему на перерыве и вручит эти струны, он может не так понять. А как ему объяснить? Рассказать историю про странного курьера, который волшебным образом перепутал адреса? Томас, может, и поверит, а вот девочки из группы – вряд ли. Это только внешне они безобидные пташки, щебечущие всякий вздор на перемене. Дай фанаткам повод – и они превратятся в стаю шакалов.

Да и к тому же, как она будет возвращать ему столь нагло распакованный подарок?

– Ладно, – сказала она сама себе и сгребла струны вместе

¹ Ведущий в мире производитель гитарных струн и аксессуаров, занимается производством высококачественных струн для электро- и бас-гитар с 1962 года.

с упаковкой в охапку. – Проблемы будем решать по мере их поступления, да, Кита? Сейчас убираем это с глаз подальше, а потом будем думать. У меня сегодня куча дел, какой-то там подарок Томасу Меймону подождет.

Чувство, что она пытается убедить в этом саму себя, оказалось на удивление неприятным, словно едва уловимое горькое послевкусие после любимой сладости.

II

Кита пошла в технический колледж вовсе не по своему желанию. Тут, как это часто случается, влияние оказали родители.

Сколько себя помнила, Кита всегда испытывала тягу к рисованию. Все начиналось с невнятных детских художеств, среди которых были и желтые крокодилы, и треугольные елочки, и бесформенные губастые портреты мамы и папы. Однако довольно быстро простые формы стали ей надоедать. Тогда как дети довольствовались карандашами и бумагой, Кита брала в руки кисти, губки, тряпки, ватные палочки; выдувала краску из трубочек, лепила композиции из сухих листьев, пластилина и цветных кусочков журналов. В рамках обычных уроков рисования в детском саду и школе ей было тесно. И родители решили отдать ее в художественный кружок.

Кита росла с мечтой стать великим художником и продавать свои картины. Она много трудилась, познавала основы, оттачивала навыки, пробовала новые материалы. Рисование было тем, что по-настоящему ее увлекало. И она была уверена, что ее стремление подняться по этой лестнице родители поддержат.

Увы, этого не произошло.

В последний год обучения в школе, когда Кита заявила

о своем желании идти в художественную академию, случилось то, чего она ожидала меньше всего – скандала. Ее самую дорогую, самую заветную мечту стать дизайнером, иллюстратором, зарабатывать деньги на своем творчестве попросту растоптали в грязи реальной жизни. “Кому ты нужна со своими рисунками? – кричала тогда мама. – Какие заработки? Не смей меня. Хочешь превратиться в алкоголичку или наркоманку? Эти твои великие художники, которыми ты восхищаешься, в большинстве своем заканчивают именно так”.

Сказать, что ей от этих слов было больно – все равно что не сказать ничего. Отец, присоединившийся к разговору несколько позже, дочь не поддержал. “Художники никому сейчас не нужны, – сказал он ей. – Технологии идут далеко вперед, и традиционный рисунок уходит в прошлое. Иди, обучись лучше чему-нибудь полезному”.

А чему полезному может научиться человек там, где он не хочет учиться? Кита не хотела идти в технический колледж, но в итоге родители настояли. Одна радость – ей все-таки позволили выбирать самой, на какую специальность идти, и Кита выбрала направление прикладной информатики, в рамках которого преподавали компьютерный дизайн. Пусть и не то, о чем она мечтала, но по крайней мере близко.

С того дня все ее работы, упакованные в плотные черные папки, оказались на самой высокой полке шкафа и больше не видели света. Многие художественные материалы – краски,

пастель, акрил – последовали за ними. Их юная художница доставала крайне редко. Единственное, от чего она не смогла отказаться – это от скетчбука и старого доброго простого карандаша. С ними она практически не расставалась: делала наброски дома, на занятиях, иногда даже в транспорте и в кафе. Но никому никогда не показывала... кроме Алис.

– Заведи инстаграм, – предлагала подруга. – Начни выкладывать туда свои рисунки, и кто-нибудь обязательно обратит на тебя внимание. Кто сказал, что для того, чтобы зарабатывать на рисовании, обязательно надо идти в академию?

Кита прониклась ее советом и на первом курсе попробовала завести страничку. В какой-то момент ей это даже начало нравиться. Однако, как часто бывает с неуверенными в себе людьми, один колкий комментарий способен загубить любое начинание. После того, как к одному из опубликованных набросков прикопался какой-то “знаток анатомии”, Кита бросила свой инстаграм и снова спрятала ото всех свои рисунки.

Постепенно Кита стала привыкать к учебе в колледже. После того, как закончилась ее затяжная депрессия, а успеваемость пошла на лад, ее перевели в группу посильнее. Там она и познакомилась с “SunRise”... вернее, увидела их вживую: заводить с ними дружбу она не стремилась, а потому просто

наблюдала со стороны.

В “SunRise” состояло пять человек. Томас Меймон, основатель рок-группы, отвечал за вокал и игру на гитаре. Внешне он немного походил на панка – растрепанные рыжие волосы, больше похожие на крашенные, пирсинг в ушах; его часто можно было увидеть в черных джинсах и красной рубашке, под которой виднелась футболка какой-нибудь музыкальной группы, вроде Nirvana, Skillet или Breaking Benjamin. Однако чем больше Кита за ним наблюдала, тем больше убеждалась в том, что Томас панком не был. Для него была характерна мягкость, дипломатичность и легкая харизма; с другими людьми он держался настолько естественно, что она даже немного завидовала.

Люк О’Милан, клавишник, производил впечатление человека из светского общества. В отличие от Томаса, в котором чувствовалась легкая небрежность, Люк выглядел гораздо более собранным. В его одежде прослеживались вкус и стиль; его пшеничные волосы подстригались под каре с длинной челкой, которую парень иногда убирал наверх. Конечно, можно было считать, что он просто принадлежал тем людям, которые заботились о своей внешности, однако его выдавали манеры, жесты, в которых была мягкость, гибкость, легкая элегантность – и ничего лишнего. Кита слышала, что его семья была довольно богатой. Удивительно, как такой человек попал в молодую рок-группу, только-только набиравшую популярность в городе.

Остальных членов “SunRise” Кита видела редко – они хоть и учились в том же колледже, но на других направлениях. Колин и Коди Джеймсы – близнецы-барабанщики – были известной на весь колледж парочкой с радиоэлектроники, и не столько из-за членства в рок-группе, сколько за свои шуточки. Их вечно взлохмаченные русые макушки узнавал каждый: кто-то бежал к ним здороваться, а кто-то – от них, чтобы не дай бог не попасть под раздачу их очередной шуточки.

Последний из группы – Дилан Ройал – учился на логиста. Внешне угрюмый, неприветливый, похожий больше на металлиста, чем на исполнителя альтернативного рока, он был единственным, кого Кита знала еще до колледжа – можно сказать, с него началось ее знакомство с “SunRise”. У них была давняя неприязнь. Причину этой нелюбви Кита не рассказывала никому, даже Алис. Однако только слепой не увидел бы, какими недружелюбными взглядами обменивались художница и басист, стоило им пересечься где-нибудь в холле.

Парней из “SunRise” Кита откровенно побаивалась. Дело было не только в их с Диланом конфликте (а ей казалось, что в их группе все ребята добродушные только с виду). Пусть “SunRise” и не были популярны в городе, но какую-то репутацию заработать успели. В колледже все девчонки сходили по ним с ума. Их увлечение музыкантами напоминало фанаток корейских поп-исполнителей: они буквально делили парней между собой, репетировали разговоры, трениро-

вались петь их песни. Каждая вторая мечтала встречаться с кем-то из них, а самые смелые даже представляли себе совместную жизнь.

Ее, Киту, недолюбливали. Отчасти из-за того, что она хорошо училась и никому не давала списывать. Отчасти из-за того, что она не разделяла всеобщего восторга санрайзами. Поэтому, стоило ей задержать взгляд на Томасе или Люке или, не дай бог, подойти к ним и заговорить, как на нее тут же набрасывалась толпа разъяренных фанаток. Плата за такое преступление была суровой: гадили из-под тишка и по-крупному.

Впрочем, отделяться от остальных для Киты было и оставалось привычным делом. Потому она не пыталась ничего изменить – жизнь тихой мышки ее вполне устраивала. И ее совершенно не интересовало, что о ней думают другие.

– Вторую репетицию на неделе планирую поставить в то же время, что и обычно. – Сказав это, Томас скрестил руки на груди и выжидающе замолчал.

– У меня возражений нет, – отозвался Люк.

– Колин, Коди? Дил?

– Пойдет, – махнул рукой басист.

Близнецы переглянулись, после чего кивнули.

– Отлично. Тогда среда и суббота. Созвонюсь сегодня со

студией.

Собрание “SunRise” было несколько спонтанным и случилось в кабинете, где у Томаса с Люком должно было проходить занятие по черчению. Этому событию обрадовались все их одноклассники, которые теперь наблюдали за ними ото всюду, не скрывая обожаемых взглядов

– С синглом до Рождества успеем? – поинтересовался Люк.

– Надеюсь. На следующей неделе можно будет попробовать его записать. Я уже подобрал стриминговые сервисы, куда выложим сингл. Хочу попробовать в этот раз напрямую, не нравится мне комиссия у агрегаторов.

Краем глаза Томас заметил Киту, которая зашла в кабинет. Увидев музыкантов, она застыла, и вокалист был готов поклясться, что она смотрела прямо на него. За спиной слышался презрительное “хм” от Дилана. Кита тут же поджала губы; ее руки, которые до этого тянулись к сумке, замерли на полпути, а потом она спешно отдернула их и развернулась на каблучках.

Сидящие на первом ряду девочки слаженно зашипели, проводив Миасс неприязненным взглядом. Томас растерянно моргнул.

– Ты слышишь, Томми? – вернул его в реальность голос Коди.

– А?.. Прости, пропустил мимо ушей.

– На девочку запал, – захихикал Колин.

– Заткнись. Что вы там говорили?

– Время, время. Нас просят за младшими присмотреть после школы, пока мама Бекки с работы не вернется.

Близнецы всегда называли свою приемную мать так странно – не “мама” но и не “Бекки” – и причин не объясняли. Томас никак не мог к этому привыкнуть.

– А, да... После шести всех устроит?

– Половина седьмого, – поправил Коди.

– Хорошо. Люк, Дилан?

– Заметано.

В кабинете снова случилось какое-то движение. Томас обернулся: Кита до заднего ряда так и не добралась – ее подозвала к себе Лиэн, старшая в группе. После небольшого разговора Лиэн встала со своего места и вместе с Китой они направились к двери. За ними увязалось еще двое девчонок.

– Занятие скоро, – отозвался Коди. – Нам возвращаться пора.

Дилан что-то пробубнил себе под нос и тоже направился к двери. Томас посмотрел на часы и нахмурился.

– Минута осталась, куда они ушли?

– Чего? – не понял басист.

– Ничего, ничего. Не бери в голову.

Люк склонил голову и внимательно посмотрел на Томаса. Взгляд его говорил: “Меня не проведешь, выкладывай, в чем дело”.

– Позже, – одними губами произнес тот, и блондин кивнул

в ответ.

Спустя несколько минут в класс зашел преподаватель. Прошло еще некоторое время, и в кабинет прошмыгнули Лиэн с остальными. Киты среди опоздавших не было. Не появилась она и в течение занятия, что совершенно не походило на мисс отличницу. Томасу это совершенно не понравилось, и он решил разобраться с этим в ближайший перерыв. Он был почти уверен, что они, ребята из “SunRise”, оказались к этому причастны.

После занятия, когда все собрали вещи и отправились на обед, Люк ожидаемо пристал к другу с расспросами. Клавишник сразу понял, что Томас беспокоился о Ките, которая так и не появилась.

– Сам же говорил, что она тихая и неприметная, – делился мыслями Томас, когда они шли в сторону буфета. – А наши девочки почему-то ее недолюбливают. Мне кажется, только лишь быть отличницей маловато для такой неприязни.

– Им просто нужен кто-то, на кого удобно спускать собак, – заметил Люк и поморщился, будто этих самых собак, грязных и лохматых, подсунули ему под нос. – Для этого серьезные поводы не нужны, достаточно иметь мишень, которая не сопротивляется.

– А Кита не сопротивляется?

– А что, походит на обратное?

Томас вздохнул.

– Ни за что не поверю, что ей нравится не иметь друзей.

У буфета парни встретили Дилана. Вид у басиста был задумчивый.

– Вот, – рассеянно отозвался он и сунул им в руки по сэндвичу с соком.

– Удачно ты, – ухмыльнулся клавишник. – Давно тут?

Дилан промычал что-то себе под нос и откусил свой хот дог.

– Я вот что думаю, – продолжил Люк, возвращаясь к недавнему разговору, – она сама выбрала такой путь. Быть может, она просто боится сблизиться с кем-то. Скорее всего, так и есть. Но в таком случае ей не помочь, если только она сама этого не захочет. И с провокациями она должна разобраться сама, только тогда у нее получится что-то изменить.

– Ты и правда так думаешь? – хмыкнул Томас. – А если ей попросту не хватает решимости? Или сил? Что если ей нужна поддержка?

– Ты думаешь, что можешь оказать ей такую? Том, я ценю твой порыв и сам был бы не против ей помочь. Но поверь, в действительности это не тот случай, когда наши действия могут на что-то повлиять. Возможно, они сделают даже хуже: не знаешь как будто, как та же Лиэн может отреагировать на наше вмешательство. Приревнует еще сильнее и станет гадить еще больше.

– Ненавижу это... – проворчал Томас и задумчиво потер подбородок. – Слушай, последнюю неделю у меня было ощущение, что Кита как-то подозрительно часто обращала на нас внимание или оказывалась рядом. Даже сегодня мне показалось, что она хотела подойти к нам и поговорить, но увидев Дила...

– А что Дил? – тут же ошетинился басист. – Опять я крайний?

– Между прочим, о ваших с Китой разногласиях весь колледж знает, – фыркнул Люк. – Слухи самые разные ходят. Не это ли делает девушке дурную славу?

– Понятия не имею, – буркнул Дилан.

– Да все ты имеешь, – неожиданно рассердился Томас. – Сколько раз я тебя просил объяснить, в чем у вас проблема, так ты отмалчивался, как чертов партизан.

– А что я должен рассказывать? – огрызнулся тот. – Что она до сих пор обижена на меня за давнюю историю? И что, мне теперь вокруг нее прыгать и ручки целовать в знак извинений? Я себя виноватым не чувствую и распинаться перед ней не буду, ясно вам?

Томас и Люк растерянно переглянулись.

– Что еще за история?

– Эй, – раздался радостный возглас, и сквозь толпу студентов к парням протиснулись Колин и Коди. Последний смерил взглядом сэндвичи. – А нам?

– Не хватило, – пробурчал Дилан.

– Чего-о? Это не смешная шутка, Дил.

Люк вздохнул и выудил из открытого кармана сумки ба-
систа две упаковки с бургерами.

– Ничего нового.

Пока близнецы радостно уплетали свой обед, Томас про-
должил расспрашивать Дилана:

– Так что за история?

– Да ерунда полнейшая. – Он скомкал упаковку из-под
сэндвича и кинул его в урну. Она ударилась о стенку и от-
скочила к его ногам. Дилан выругался себе под нос и накло-
нился. – Где-то полгода назад мы с ней столкнулись... на пер-
екрестке...

– Ты ее сбил? – охнул Люк.

– Нет, конечно! Ты меня за кого держишь?

Томас покачал головой. Из них пятерых только Дилан по-
лучил водительские права, и ребята этим пользовались, ко-
гда нужно было перевезти вещи или аппаратуру; иногда они
даже выезжали за город. Манеру Ройала ездить с ветерком
они знали хорошо. Бывало, Дилан нарушал правила, и един-
ственное, что заставляло его хоть иногда осторожничать на
дороге – бережное отношение к своему Nissan Teana, кото-
рый достался ему нелегким трудом, и, как ни странно, пеше-
ходы.

– Она выскочила на дорогу, я едва успел затормозить. Ну,
и грязью ее обдал немного.

– Я так понимаю, ты не извинился...

– А с чего я должен? Она сама виновата, не следила за дорогой...

– Боже... – выдохнул Люк. – Не верю, что дело в такой ерунде.

Дилан смял в руках и без того помятую упаковку.

– Да дело-то не столько в этом... Я тогда из машины вышел и наорал на нее, чтобы она на дорогу смотрела. Вот она, наверное, и обиделась. – Поймав на себе два осуждающих взгляда, он подобрался. – Что?

– Теперь все встало на свои места, – вздохнул Томас.

– И что же именно тебе стало ясно?

– Не обижайся, Дил, но ты и толерантность – несовместимые вещи.

Дилан хотел огрызнуться и уже открыл рот, но почему-то передумал и отвернулся, засунув одну руку в карман.

– Чего вы вообще про нее вспомнили? – буркнул он.

– Я ж говорил, втрескался Томми, – хихикнул Колин с набитым ртом.

– А ну цыц, – приструнил их Меймон. – Только попробуйте слухи такие распускать. Ей же совсем житья не дадут.

– А чего ты так о ней печешься? Раньше ты не проявлял подобной заботы. – Дилан хмыкнул, повертел в руках скомканную обертку и прицелился. К несчастью, та снова пролетела мимо урны и на этот раз упала за ней. – Ну твою!..

Томас терпеливо дождался, пока Дилан выругается, и пояснил:

– Странная история сегодня случилась, вот и обратил внимание. Она всегда на занятия ходит, а тут ушла с девочками из нашей группы, а обратно не вернулась. Все черчение пропустила.

Басист застыл. Было видно, как рука в кармане сжалась в кулак.

– А я-то думаю, чего она в коридоре делала... – пробормотал он.

– Чего?

– Да я видел ее. Как раз перед занятием. Она меня заметила и как припустила.

– Куда? – не понял Люк.

– Откуда я знаю, куда? – Он задумался. – Мне показалось, к гардеробу.

– Убежала домой, наверное. – Томас вздохнул. – И что же такого ей Лиэн наболтала? Дура крашенная...

Дилан пожал плечами. Он не стал говорить, что видел цепочку мокрых следов оставленных Китой Миасс в коридоре.

Теплое пальто на меху – это, конечно, хорошо. Но увы, оно совершенно не спасает от холода, когда под ним насквозь промокший свитер.

Дорога от колледжа до дома занимала у Киты всего восемь минут, но этого вполне хватило, чтобы промерзнуть. На ее

счастье, погода сегодня была безветренной, однако от минусовой температуры это все равно не спасло.

Будь Кита собраннее сегодня, то никогда бы не повелась на предложение “поговорить” от Лиэн. Все знали, что француженка была без ума от Люка и любое приближение к нему расценивала как попытку отбить у нее потенциального парня. Она походила на собаку на сене: никого не подпускала к парням, но в то же время сама не делала никаких видимых попыток сблизиться с ними. Кита же в последнее время постоянно искала способы незаметно передать Томасу его подарок от тайного Санты, и похоже, это насторожило Лиэн.

Сегодня Миасс была более взволнованной, чем обычно: с утра ей позвонил брат и сообщил, что приедет на выходные и погостит пару дней. Эта новость так ее обрадовала, что она совершенно забыла и о подарке, и о санрайзах, и о Лиэн. Опомнилась она лишь тогда, когда рядом с мило улыбающейся француженкой появились еще две девочки и затолкали ее в женский туалет, а в чувство ее привело ведро холодной воды, которое они же выплеснули ей на грудь.

Сменной одежды у Киты с собой не было, а спортивную форму она недавно унесла домой на стирку. Заявляться в класс, когда со свитера и волос бежит вода, было стыдно: ее попросту поднимут на смех. Никто и пальцем не пошевелит, чтобы ей помочь. Никому там не было до нее дела, да и сама она намеренно отказалась от их общества.

Но самым противным было то, что когда она бежала по

коридору в сторону гардероба, прижимая к себе сумку, ее увидел Дилан. Отразившееся на его лице недоумение было невыносимым, и дожидаться, когда оно сменится презрением, девушка не стала – лишь ускорила бег. Не хватало, чтобы он видел ее такой.

Дом встретил ее теплом, но Кита никак не могла согреться. Замерзшими руками она едва стянула с себя пальто и свитер, после чего кинулась к упавшей на пол сумке. К ее огромному облегчению, содержимое не пострадало: в ней лежало самое ценное, что было у Киты – ее скетчбук.

– Теперь ванная... – сказала она самой себе, стуча зубами.

Горячая вода свое дело сделала: Кита наконец почувствовала, как кровь прилила к замерзшим рукам и ногам. Чай с лимоном и имбирем стал следующим в списке. Закутавшись в теплый шерстяной плед, Кита заварила себе огромную кружку и маленькими глотками принялась поглощать свое “лекарство”. В груди приятно потеплело.

Однако вскоре после этого Кита зашмыгала носом. В горле появились странные ощущение, в которых она безошибочно признала начинающийся кашель. Ее начал бить озноб, как при повышенной температуре. Холод все-таки взял над телом верх. Оставалось надеяться, что Кита отделается обычной простудой.

С той истории в колледже прошло два дня. Кита продолжала валяться дома с температурой. Предупредить о причине отсутствия было некому, сама девушка об этом забыла, поэтому когда куратор позвонил ей на домашний телефон, ей пришлось извиняться и объяснить ситуацию. Куратор сухо пожелал ей скорого выздоровления и отключился, словно бы Кита была лишь очередным пунктом в его списке не очень приятных, но необходимых дел, с которыми нужно было разобраться. Кита его не винила. У него наверняка были заботы поважнее.

Именно этим она и оправдывала тот факт, что не стала рассказывать куратору о произошедшем. Вообще, поведение Лиэн было неприемлемым. За такое ее вполне могли попросить из колледжа, если бы Кита пожаловалась куда следует. Однако Кита была из тех людей, кто предпочитал решать проблемы самостоятельно. Нельзя сказать, что она была для этого слишком гордой. Напротив, ей было попросту неудобно. Ей казалось, что все проблемы – только ее и ничьи больше, а какое право она имеет нагружать ими остальных?..

Алис уже не один раз ругала ее за то, что та взваливает все на себя одну. “Расскажи ты уже кому-нибудь, в самом деле! – отчитывала ее она. – Куратору, родителям... да хотя бы парням этим! Они же не слепые, видят все. Если попро-

сишь, они за тебя заступятся, а что-то мне подсказывает, что для этих фанючек² их слово будет законом”.

Алис всегда называла их таким смешным словом – фанючки. Впрочем, другого названия они и не заслуживали. Да и в остальном Алис была совершенно права: Кита не умела и не любила просить помощи. В любом деле, будь то учеба или личное, она привыкла разбираться сама, от и до. Кита билась в своих попытках, неизменно доводила себя до истерики, если у нее что-то не получалось. И только потом, когда кто-нибудь обращал на это внимание и предлагал помощь, принимала ее.

В такую ловушку она попала и ранним вечером четверга. Кита лежала в своей комнате на кровати, укутавшись в теплый плед, и вялой рукой водила по листу бумаги. Получались кривые наброски. Какие-то ей нравились, какие-то художница сразу вырезала ножницами и бросала в урну под столом. Голова была тугая, тяжелая, глаза сухие, словно состояли из песка. Сон, если и шел, то был беспокойным, поэтому Кита отключила мозги и развлекала себя каракулями.

Когда Кита выкинула в урну очередной рисунок, тишину нарушил резкий звук басов. Девушка едва не подпрыгнула на кровати и выронила карандаш, после чего приложила руки к стене. Ладони тут же почувствовали вибрацию. Звук определенно доносился оттуда.

“Сосед...” – подумала она с легкой досадой. О нем не бы-

² Аналог английского слова fank: смесь от “фанатка” (fan) и “вонючка” (skunk).

ло слышно с ноября, после того, как мама Киты в первый раз учинила ему скандал и отругала за громкую музыку. Сама девушка о деталях разборок была не в курсе и уже успела о них позабыть. Сегодня ей напомнили.

Музыка – судя по басам и звучанию, рок – стала несколько тише, как будто хозяин опомнился и подумал о соседях. Правда, стало немногим лучше: его квартира находилась как раз через стенку от комнаты Киты, и малейший ритм отбивал в ее голове глухую, пульсирующую боль. Кита стиснула зубы. Хотелось надеяться, что это ненадолго.

Но музыка не стихла ни через полчаса, ни через час. Девушка отложила скетчбук в сторону и съежилась на кровати, в мыслях сетуя, что никто до сих пор не пожаловался. На часах было без десяти шесть. Люди еще не успели вернуться с работы, потому и возмутиться было некому. Оставалась лишь одна Кита, больная, страдающая и приходящая в ужас от мысли, что ей придется либо терпеть, либо подниматься и самой идти к соседу.

Когда от отчаяния у Киты на глазах выступили слезы, она решила, что пора действовать. Она с усилием потерла лицо, поплотнее закуталась в плед. И нетвердой походкой направилась к двери.

Путь до двери соседа Кита преодолела с завидным упорством, то и дело цепляясь за стены и косяки. Когда же перед ее носом возникла темная металлическая дверь соседа, уверенность как рукой сняло. Девушка долго мялась, то подно-

сила руку к звонку, то убирала, то снова подносила. В конце концов она мысленно обругала себя, выдохнула... и нажала на кнопку.

Сначала ничего не происходило. Кита переминалась с ноги на ногу, прокручивая в голове речь, которую выдаст нарушителю спокойствия. Варианты были самые разные, разной длины и степени вежливости. Когда музыка стала тише, Кита подобралась и набрала в грудь воздуха. Щелкнул замок, дверь открылась... и слова застряли у нее в горле.

Сосед был обескуражен не меньше – об этом говорили его темно-серые глаза, в которых застыло изумление. На несколько секунд повисло неловкое молчание, после чего он растерянно пробормотал:

– Кита?..

Шелест падающей из его рук бумаги вывел из ступора обоих: Кита попятилась, а парень спешно нагнулся, чтобы подобрать свои черновики.

– Томас... – Девушка закусила губу. – Извини... не знала... я пойду...

Она сделала еще один шаг назад и наступила на край своего пледа. Томас предостерегающе вскрикнул. Только что подобранные листы полетели в сторону, а музыкант бросился к девушке, когда та начала терять равновесие.

– Осторожно! – Он подхватил ее у самого пола. – Все нормально? Не ударилась?

Вместо ответа Кита съежилась... и заревела. Томас расте-

рялся окончательно и в попытке утешить прижал к себе. Кита вцепилась в его футболку, словно тонущий в спасательный жилет. Плечи у нее тряслись, словно в припадке, а в звуках, которые она издавала, смешались горечь обиды, стоны отчаяния, всхлипы усталости, и все это объединялась тихой мольбой о помощи.

Прошло некоторое время, прежде чем Кита немного успокоилась. Томас терпеливо ждал, позволяя выплеснуть накопившиеся чувства, и поглаживал ее по спине. Когда она отстранилась и принялась вытирать слезы, он поднялся с колен и помог ей встать.

– Знаешь, у меня есть неплохое средство от дурного настроения, – задумчиво протянул он. – Пойдем. Тебе надо прийти в себя. Заодно и расскажешь, что у тебя стряслось. Чувствую, дело тут не только в простуде.

Средством от дурного настроения оказались свежие пирожные из пекарни на углу – Кита даже не знала, что там такие делали.

Пока Томас ставил чайник и накрывал на стол (предварительно с этого стола был убран ворох исписанной бумаги), Кита сидела на небольшом диванчике, подобрав под себя ноги и закутав их в плед. Кухня у музыканта была небольшой, навскидку – примерно пять-шесть квадратов. В воздухе ви-

тал запах корицы и свежей выпечки, что несколько ее удивило. Алис как-то сказала, что у парней, живущих в одиночестве, в доме может пахнуть только грязными носками. Честно говоря, Кита была даже рада, что квартира Томаса разрушила этот стереотип.

– Чай травяной, здесь имбирь и мята. Добавил еще лимона немного. – Хозяин налил горячий ароматный напиток в чашку и протянул Ките.

Та шмыгнула носом и послушно взяла ее в руки.

– Скажи, я ведь прав, что дело тут не только в простуде? – не стал ходить вокруг Томас. – Что-то стряслось в тот день?

Девушка потупила глаза. Разумеется, она поняла, о каком дне он говорит: на нее, прилежную ученицу, было необычным прогуливать занятия. Но рассказывать не торопилась.

– Я понимаю, ты не хочешь грузить меня своими проблемами, – правильно расценил он ее молчание. – Но – увы и ах! – ты уже меня ими загрузила, когда едва не свалилась у порога моей квартиры. Хотя, тут и доля моей вины есть...

Томас взлохматил рыжие волосы.

– Ладно, это не так важно. Важно то, что ты сейчас сидишь напротив и нежеланием говорить создаешь еще больше проблем.

Кита съежилась и спрятала лицо за чашкой. Вина и стыд обжигали ее, и если бы не распухшее от слез лицо, Томас наверняка бы заметил, как покраснели ее щеки.

– Извини... – прошептала она еле слышно.

Парень осекся. Его пальцы выдали по поверхности стола незамысловатый ритм.

– Нет, это я должен извиниться. Надавил на тебя.

Томас задумался. Он с самого начала догадывался, что просто так Кита не станет ему ничего рассказывать. В конце концов, они практически не знакомы, если один раз в колледже разговаривали – и то хорошо. Ему нужно было придумать, как вытянуть из нее откровение.

– Слушай. – Он встал со стула и присел на краешек дивана, чтобы их глаза были на одном уровне. – Я понимаю, делиться подобным с другими бывает непросто. Я и сам далеко не сразу научился доверять другим. Верить или нет, в старших классах я здорово комплексовал из-за того, что моя мама бросила нас и ушла к другому. – На этих словах у Киты округлились глаза: откровение Томаса оказалось для нее неожиданным. – Рассказывать о том, что я живу с мачехой и отношения у нас, мягко говоря, не очень, было страшно – не хотелось, чтобы кто-то узнал о моей “неполной” семье.

Он подался вперед и положил руки ей на плечи.

– Именно тогда я усвоил один простой урок. Молчание – худшее, что можно делать в такой ситуации. Есть вещи, с которыми нельзя совладать самому. Нужны те, кто поддержит, даст совет, выслушает, в конце концов. Поэтому прошу тебя, как друга – не молчи. Это и наша проблема в том числе. Наша – в смысле санрайзов.

Пальцы у Киты дрожали, и она поспешила поставить чаш-

ку, чтобы не пролить содержимое на диван. Руки музыканта были теплые, мягкие, и она с трудом подавила желание наклониться и оказаться в его объятиях.

– Разве вам есть до меня дело? – хрипло спросила она.

Томас вскинул брови.

– А почему нет?

– Я же вам никто.

– Как это? Ты наша одноклассница, как минимум. И тебя достают наши фанатки, и к слову, я уже давно хочу с ними мило побеседовать.

– О, Лиэн умрет от радости, если это случится... – не удержалась Кита. “Или от зависти, если вдруг узнает, что я была у Томаса дома”, – неожиданно подумала она и вмиг похолодела.

– О нашем соседстве я никому не скажу, – пообещал Томас, заметив, как изменилось лицо девушки. – Ну? Расскажешь о своей проблеме?

И Кита поведала ему обо всех гадостях, которые терпела от одноклассниц в течение всего семестра. Чем дольше она говорила, тем легче, к ее удивлению, становилось, как будто каждое сказанное слово было камушком, выброшенным из завала обид и непониманий. Томас не перебивал, но с новыми подробностями его лицо мрачнело все больше.

– Терпеть это не могу, – подытожил он, когда Кита закончила. – Я, если честно, опасался подобного, но не думал, что в колледже есть такой гадюшник.

Кита сделала несколько глотков уже остывшего чая.

– Тебе стоило рассказать обо всем куратору. Правда, у меня всегда было ощущение, что ему до одного места наши проблемы... – Томас поморщился. – Но о таком молчать не стоит. Это уже не шалости, а мелкое хулиганство. За такое...

– ...из колледжа вылететь можно, – договорила за него Кита. – Поэтому и не говорю.

– О, боже... Ты за них еще беспокоишься?

– Не за них, – насупилась Кита. – За себя. Они же мстить начнут.

Томас чертыхнулся. Девушка слишком привыкла молчать и терпеть, а теперь отказывалась бороться, чтобы ненароком не разрушить свой кокон, который и так начал давать слабину.

– Ладно, – послушно кивнул он. – Дело твое. Давай оставим эту тему. Но пообещай, что если тебе понадобится помощь, ты обязательно скажешь об этом, договорились?

Кита поджала губы. Под пристальным взглядом стальных глаз Томаса ей казалось, что отрицательный ответ не примельют, и нехотя кивнула.

– Вот и хорошо. – Он улыбнулся. – Давай еще чая налью. И угощайся пирожными, вкусные же.

Поначалу Томас совершенно не представлял, что делать.

Ситуация казалась до безобразия абсурдной, но, увы, не редкой. Если бы у “SunRise” был продюсер, он бы предложил использовать фанаток как средство для бесплатной раскрутки. И в такие моменты Томас радовался, что такого “советчика” у них пока не было – зарабатывать популярность подобным способом было ему противно, хотя он знал случаи, когда это срабатывало. Он считал, что портрет слушателей – это портрет группы. Томас предпочел бы рискнуть и потерять часть аудитории, нежели держать у себя под боком гадюшник, а уж тем более – пользоваться его “бесплатными услугами”.

Когда Кита ушла, поблагодарив его за чай и пирожные, Томас погрузился в раздумья. Он чувствовал вину за произошедшее, словно бы он сам выливал на нее злосчастное ведро воды. Стоило быть честным: он не то чтобы не видел проблемы – не хотел видеть. Почему? Вероятно, сам боялся идти на конфликт. Он предпочел бы договориться, решить мирным путем, развести девушек по разным углам, но что-то ему подсказывало, что такой подход не сработает. Или сработает, но ненадолго.

А меры принимать надо было.

Томас взял со стола телефон и набрал Люка. Клавишник ответил не сразу. Голос у него был несколько отрешенный.

– Алло?

– Это Томас, – отозвался вокалист. – Минутка есть?

Он вкратце пересказал ему последние события, от встречи с Китой на пороге его квартиры до историй о травлях в

колледже.

– Дай угадаю – ты хочешь как следует проучить Лиэн? – прямо спросил О’Милан.

– Почему сразу проучить? М-м, дать предупреждение.

– Ага, ты думаешь, она успокоится? Скорее, заподозрит неладное и вконец Киту сожрет.

– Не уверен. Но раздувать скандал я не хочу.

– А кто хочет? – Клавишник громко вздохнул в трубку. – Впрочем, идея с предупреждением мне нравится.

– Лиэн, по-моему, по тебе сохнет, нет?

– То еще счастье. А, ты намекаешь, что некоторое “фи” от меня может разбить ей сердце? – С той стороны раздался шум, но Томас не смог разобрать, был ли это кашель или же смех. – Да уж. Давно стоит показать им, что мы не белые и пушистые, как они думают.

– Какой ты злорадный, оказывается. А кто-то совсем не хотел вмешиваться.

– Просто, что бы я ни говорил ранее, происходящее нравится мне не больше, чем тебе. И – да, постоянное внимание любвеобильной француженки начинает немного бесить. Давно искал повод сказать ей об этом. Я подумаю о том, как изящно ее отшить.

– Хорошо, не буду мешать. – Томас криво усмехнулся. – До завтра.

Отложив телефон в сторону, музыкант постучал пальцами по столу. “SunRise” ввязались в девичью войну и приня-

ли одну из сторон – ту, что постоянно проигрывала. Теперь нужно сделать ход, изящный, чтобы никто ничего не заподозрил. А уж в этом можно было довериться Люку.

После разговора с Томасом Кита удивительным образом пошла на поправку. Проснувшись на следующий день утром, она почувствовала себя гораздо лучше и в ней впервые за долгое время проснулась тяга к творчеству. Кита решила побыть дома до конца семестра, посвятив время не учебе, а себе и своему внутреннему художнику. Именно сейчас ей казалось это важным.

Тем вечером, на кухне у Томаса, в голову Ките настойчиво лезла мысль о подарке тайного Санты, который ей так и не удалось отдать. Когда она вернулась к себе, ей овладело желание взять сверток и вновь постучаться к музыканту домой, но стоило ей увидеть нелепые стикеры-снежинки, как она моментально передумала. Отдавать ему это? После того, как он угостил ее чаем с пирожными – а они и правда оказались очень вкусными – вручать подарок, тем более открытый, было стыдно. И Кита твердо решила упаковать его заново, и на этот раз – со вкусом. Без нелепых снежинок и тысячи пакетов.

Весь следующий день Кита провела на Pinterest³ в поисках вдохновения и идей. К обеду она уже отобрала несколько наиболее приемлемых вариантов, которые можно было воплотить, не выходя из дома – все необходимое лежало в шкафу. За этим последовал нелегкий выбор лучшей идеи, а к вечеру Кита уже принялась за заготовки.

От бесформенного пакета Кита решила отказаться в пользу небольшой аккуратной коробочки. Pinterest был переполнен оригинальными идеями: здесь были и аккуратные бумажные свертки с причудливыми застежками, и фигурные упаковки в виде конфет или изображающие символы года (круглые хрюшки с добродушными мордочками показались Ките особенно милыми); были здесь и обычные прямоугольные коробочки, которые можно было собрать без скотча и клея. Кита выбрала одну из таких схем, начертила ее на обычной бумаге, подогнав под размер упаковок со струнами, и собрала пробную коробочку. Результат ей понравился.

Обертку Кита смастерила из двух видов бумаги: грубой крафтовой и гладкой упаковочной, с серебристо-белыми отблесками. Сначала она хотела обклеить всю коробку красивой и гладкой бумагой, но ее оказалось слишком мало, пришлось комбинировать. Несколько часов Кита училась складывать жесткую крафтовую бумагу аккуратно, без заломов

³ Фотохостинг, позволяющий пользователям добавлять в режиме онлайн изображения, помещать их в тематические коллекции и делиться ими с другими пользователями.

и некрасивых сгибов, так, чтобы складки образовывали объемный узор на коробке. Когда все было готово, Кита вклеила в углубления серебристые вставки из магазинной обертки. А затем потянулась к коробке с лентами и веревками.

На глаза ей попалась узкая ярко-красная лента. Кита взяла ее и некоторое время перебирала в руках. На такую же она отвлеклась в тот день, когда не глядя выскочила на дорогу; в памяти всплыл серебристый капот Nissan и холодные, горящие гневом глаза Ройала. С трудом выбросив из головы неприятное воспоминание, она вернула ленту в коробку и взяла белую бумажную веревку. Она перевязала ей коробку и прицепила на нее маленькую бирку, на которой ровными печатными буквами переписала обращение со старой открытки: “Томасу М. от тайного Санты. Уверен, подарок придется тебе по душе”.

Проделанной работой Кита была довольна как никогда. Но почему-то она так и не смогла заставить себя отнести подарок Томасу. Он простоял на столе до самых выходных, а потом, к приезду брата, Кита спрятала его в шкаф.

Перси Миасс, старший брат Киты, был занятым человеком. Почти год как он работал в Ганане, столице их небольшой страны, занимаясь изучением и разработкой искусственного интеллекта. Не успел он получить специальность

компьютерного инженера в колледже, как уже решил поступить в какой-нибудь престижный университет и повысить квалификацию. Он принимал участие во всевозможных олимпиадах, ездил на конференции слушателем и пару раз докладчиком. После одной такой конференции в Ганане компания-организатор “AInt” выдала ему грант как перспективному студенту на обучение за границей – с условием, что после окончания он придет к ним работать минимум на пять лет. Перси, разумеется, согласился. И выбрал факультет информационных технологий в университете Торонто.

С самого детства Кита восхищалась братом. Перси был целеустремлен, амбициозен, мыслил масштабно, действовал по-крупному. Пожалуй, он был самым рискованным в их семье: отец всегда был за стабильность, мама – за уверенность в завтрашнем дне. Кита колебалась между двумя крайностями. С одной стороны, хотелось рисковать, пробовать, импровизировать – того требовала ее творческая душа. С другой – хотелось, чтобы ей гордились родители, а они ясно дали понять, чего ожидают от дочери.

К слову, отец с матерью гордились Перси. Его желание обучаться в Торонто поначалу вызвало шок, но он сменился одобрением. Кита искренне радовалась тому, что у брата была возможность делать то, что хочется, но вместе с этим страшно завидовала. Перси повезло просто потому, что его желания совпали с ожиданиями родителей. У Киты такого не случилось.

Каждый приезд брата радовал Киту так, как не радовало ничто другое. Она ждала его с таким же нетерпением, с каким дети ждут Санту в рождественскую ночь. В этот раз он приехал рано утром двадцать второго декабря. До Рождества оставалось всего три дня.

– Я не видел тебя всего полгода, а у меня ощущение, будто ты подросла еще на несколько сантиметров! – были первые его слова, когда Кита отворила дверь.

– И я очень рада видеть тебя, Перси!

Девушка повисла у него на шее, и тот чуть не уронил чемодан на порог.

– Привет, Тюбик. Как поживаешь?

Перси очень любил “Приключения Незнайки”. Он как-то рассказывал, что в детстве у него была книжка с картинками, которую он зачитал до дыр и мечтал когда-нибудь выучить русский и прочитать ее в оригинале. Именем художника Цветочного города Перси шутливо называл свою сестру, намекая, что когда-нибудь и она станет известной художницей.

– Как видишь, наслаждаюсь одинокой жизнью. – Кита шутливо развела руками.

– Да, разговаривал с мамой неделю назад, как раз перед тем, как они полетели из Квебека в Египет. Она сказала, что ты не захотела ехать к тете и нашим сумасшедшим двоюродным братьям.

– Вот, ты меня понимаешь! Они все там немного не в себе,

мне кажется.

– Родственников не выбирают, к сожалению.

– Значит, с тобой мне повезло. – Кита едва не подпрыгнула на месте. – Я безумно рада, что ты приехал!

– А хочешь, обрадую еще больше? – Перси довольно улыбнулся. – Рождество отпразднуем вместе.

Кита на секунду замешкалась, переваривая услышанное. А потом пронзительно взвизгнула и снова бросилась ему на шею.

– Я знал, что тебе понравится эта идея! Ладно, ладно, давай чаю выпьем. Есть что-то съедобное дома? В аэропорте питаться – все равно что баксы пачками есть, невкусно и дорого.

Пока закипал чайник, Перси расположился в комнате родителей и пришел на кухню, где уже суежилась Кита. За приготовлениями к столу он принялся расспрашивать ее о том, что нового случилось за последние полгода. Он заметил, что сестра отвечала неохотно, кратко, словно старалась умолчать о чем-то важном. Когда на столе появились дымящиеся кружки с чаем, а Кита с Перси сели друг напротив друга, он спросил прямо:

– Что-то стряслось?

Кита чуть не выронила кружку.

– С чего ты взял? – как можно более натурально удивилась она.

– А с того. По тебе видно, когда ты пытаешься что-то

скрыть. Я всегда говорил, что лгунья из тебя никудышная.

Она невольно улыбнулась, стоило ей вспомнить, как в детстве Перси частенько приходилось врать родителям за двоих.

– Я же говорила тебе, что заболела недавно. Не пришла в себя еще.

– Колись давай, – не поддался брат.

Кита вздохнула. Последнее, что ей хотелось, так это обсуждать свои проблемы. Но Перси был одним из немногих, кто готов был выслушать, понять и поддержать. Этот разговор все равно бы состоялся, так почему бы не разделаться с ним сразу?

И Кита второй раз за неделю рассказала о травле в колледже и о недавнем инциденте. Немного помедлив, рассказала она и о Томасе. Перси слушал молча, прихлебывая чай из кружки. Взгляд его становился все более угрюмым.

– Время идет, а стервы не переводятся, – прокомментировал он, когда Кита закончила. – Когда я учился на разработчика, у нас тоже такие кадры имелись на прикладной. И чего они все так любят это направление...

– Туда идут те, кто умом не блещет и кому родители сказали “получи нормальное образование”, – фыркнула Кита. – Если подумать, даже я из таких. С одной разницей – я все-таки учусь, а они...

– Зря ты помощь от этих парней не приняла. Слышал я про них немного, и музыку их как-то находил. Не знаю как

в жизни, но судя по твоему рассказу, ребята они хорошие.

Кита вспомнила Дилана и тут же помрачнела.

– Может, не все, – поправился Перси, уловив перемену в ее лице. – Но их вокалист... сосед наш, говоришь? – Получив от Киты кивок, он продолжил: – Тем более удобно. У дома караулить не станут, есть опасность напороться на их же любимчика. В общем, все твои домыслы про месть – чушь собачья. Они не смогут вечно гадить и оставаться чистенькими. Рано или поздно от верхушки колледжа им прилетит. Или от санрайзов. Почему-то мне кажется, у последних быстрее терпение кончится.

– Кто знает... – Кита пожала плечами.

– Ладно, давай не будем о грустном. У нас с тобой впереди четыре дня, нужно оторваться как следует! Составим план?

Девушка улыбнулась и заправила непослушную каштановую прядь за ухо.

– Я только за!

III

Кита закрыла книгу по истории архитектуры и подняла голову. В библиотеке уже царил сумрак, а единственными источниками света были торшер, стоящий рядом неподалеку, и маленькая лампа на столе у библиотекарши. Последняя уже давно дремала, уронив голову на грудь. За окном было темно, и в этой бесконечной темноте Кита ясно, словно в зеркале, видела собственное отражение.

Когда Перси попрощался с ней и уехал обратно в Ганан, Кита почувствовала странную пустоту, будто часть ее самой безвозвратно уехала вместе с ним. Рождество получилось незабываемым: они провели его вместе, гуляя по магазинам, кафе, ходили в кино на премьеру второй части “Приключения Паддингтона”, а вечером устроили большое чаепитие со сладостями. Кита ничуть не жалела, что не поехала к тетушке в Квебек – с Перси было гораздо веселее и интереснее.

Однако на Новый год Перси остаться не смог – работа ждала. Кита все понимала, но все равно сильно расстроилась, и он взял с нее обещание отпраздновать на славу. “Алис наверняка не откажется провести Новый год с тобой, – подбодрил он Киту. – Позови ее”. Кита тогда согласно кивнула, но до сих пор так и не позвонила подруге – а стоило, ведь у нее уже могли быть свои планы на праздничную ночь.

Спустя день после отъезда Перси Кита решила сходить

в библиотеку. Это место было для нее одним из любимых, здесь она могла сидеть часами, изучая старинные книги по искусству и современные – по дизайну. Она всегда приходила сюда со скетчбуком и карандашом, чтобы делать наброски, зарисовки со страниц. Каждый такой поход неизменно заканчивался пополнением ее коллекции образов – правда, пока что эти образы прятались в стол.

На часах было уже почти восемь, библиотека закрывалась через пятнадцать минут. Кроме Киты в читальном зале не было ни души, не считая мирно похрапывающую библиотекаршу. Девушка сложила книги в аккуратную стопку и оставила на столике, за которым работала. Потом неслышно подошла к работнице, положила перед ней читательский билет фамилией вверх, сама достала из гардероба пальто, оделась и тихонько вышла.

До остановки Ките пришлось бы идти примерно десять минут, а потом садиться на автобус и делать крюк через добрую половину старого Нарвиля. Такси она вызывать не хотела – вечером буднего дня цены были заоблачными. Поэтому Кита решила пойти пешком, срезав через национальный парк Аваша.

Утоптаные песчаные тропинки были припорошены снегом. Деревья погрузились в непроглядную темноту, проявляясь нечеткими кронами в тусклом желтоватом свете фонарей. Шум вечернего города доносился до Киты как сквозь плотную штору: редкий лес скрадывал звуки, движения, пре-

вращая в таинственное безмолвие.

Дорогу от библиотеки до дома Кита могла бы пройти с закрытыми глазами, так что темнота ее совершенно не беспокоила. Но иногда ей казалось, что из этой темноты кто-то пристально за ней наблюдает. Это чувство заставляло сердце Киты замирать, а затем биться быстрее, и она ускоряла шаг, надеясь поскорее выбраться на освещенные улицы.

В один момент ей почудился скрип снега под чьими-то тяжелыми шагами, и она испуганно обернулась, но никого за собой не увидела. Обругав свое разыгравшееся воображение, Кита снова ускорила шаг. И чуть не налетела на стоящего перед ней мужчину.

– Ой... простите... – пробормотала она, перехватывая сумку поудобнее, и попыталась обойти незнакомца. Однако тот сделал уверенный шаг в сторону и преградил ей путь. Внутри у Киты все похолодело. – Извините?..

– Не возражаешь, если мы с тобой побеседуем, милая? – Голос у мужчины был вкрадчивый, с легкой хрипотцой.

Кита осмелилась поднять глаза и столкнулась со взглядом незнакомца. Им оказался парень, на первый взгляд старше ее всего года на три-четыре, небритый, коротко стриженный и с туннелями в ушах. Пока Кита обдумывала смысл сказанной фразы, он шагнул в ее сторону. Девушка инстинктивно отпрянула.

– Извините, я спешу, – поспешно отозвалась она, думая, как бы выкрутиться из ситуации.

– Куда же? – с наигранным разочарованием спросил незнакомец.

Кита чуть было не лягнула “домой”, но вовремя сдержалась.

– К другу. Он меня уже заждался.

– Какая жалость. Похоже, твоему другу придется еще немного подождать.

– Чего вам надо? – Голос Киты предательски задрожал.

Парень неожиданно расхохотался. Его смех был чересчур громким для безлюдного парка, и Миасс невольно содрогнулась.

– Как что? Не строй глупенькую, милая. Что может быть нужно парням в такое время суток от одиноких беззаботных девушек?

Слишком поздно до Киты дошел весь смысл первых сказанных им слов. Она совершенно не придавала значения этому “мы”, вскользь произнесенному незнакомцем, а сейчас в ужасе глядела, как на свет выходят еще трое парней примерно такого же возраста.

– Милое личико, – прокомментировал один из них.

– А ты говорил – тут никого не подцепим, – передразнил его другой. – Мол, какая дурочка будет шастать по темному парку одна. А погляди – нашлась!

Кита прижала сумку к груди. “Как нашлась, так и потеряюсь”, – подумала одна.

И сорвалась в противоположную от парней сторону.

Кита ожидала услышать что-то в духе “держи ее!” Но за спиной раздался дружный смех, будто бы парни наблюдали за тщетными попытками перепуганного щенка убежать от стаи взрослых псов. Кита была уверена, что за ней припустили вдогонку. Эта мысль заставила ее бежать еще быстрее.

Мелькали тусклые фонари, в глазах рябило от темных желтоватых пятен песка, проступавших сквозь тонкий слой снега. Кита неслась по дорожкам парка стремительно, словно лань, в надежде оторваться от назойливых преследователей. Она уже давно потеряла счет поворотам, перекресткам и в такой темноте едва бы нашла путь домой. В мыслях она уже тысячу раз обругала себя, что пожалела деньги на такси – так она бы уже была дома!

Судя по редким окликам, парни продолжали следовать за ней по пятам. Девушка была уверена – они с ней просто играют. Ждут, пока она выдохнется. Она уже начала выдыхаться: страх еще жег ее изнутри, но адреналин уже сходил на нет. Вечно эти догонялки продолжаться не могли. “Только бы выбежать на какую-нибудь улицу! – молилась она про себя. – Или встретить кого-нибудь! Пожалуйста! Ну пожалуйста!”

Кита мельком оглянулась, пытаясь поймать взглядом своих преследователей.

И в следующую же секунду налетела на чью-то грудь.

На окраине парка было безлюдно, если не считать большую шумную компанию, сидящую у самого входа. Ребята пили пиво, горланили песни (Люк был готов поклясться, что в несвязном хоре голосов различил мотив “Hello” от Nirvana) и громко смеялись. Клавишник возвращался домой из магазина и решил срезать через парк. Шум от нетрезвой компании затихал за его спиной.

Парк Аваша был плохо освещен, и горожане уже не один год требовали от властей установить по прогулочным маршрутам новые фонари. Люк недовольно щурился и вглядывался в смутные очертания дорог, чтобы не пропустить нужный поворот. Снег тихо скрипел под его ногами, и это было единственным, что нарушало повисшую над парком тишину.

У очередного поворота стоял желтый фонарь, светивший ярче остальных. Люк услышал, как кто-то бежит к нему по заснеженным дорожкам. Он огляделся, пытаясь понять, откуда исходит звук, и в тот же момент почувствовал, как кто-то врезался прямо в его грудь.

Люк сдавленно охнул и невольно отступил назад. В желтоватом уличном свете он разглядел раскрасневшееся от бега округлое лицо, растрепанные каштановые волосы, тонкие руки, прижимавшие сумку к груди. Узкие миндалевидные глаза распахнулись от удивления, стоило девушке его уви-

дочь.

– Кита? – удивился Люк.

Кита приоткрыла рот, видимо, хотела что-то ответить. Но в этот момент раздался оглушительный свист, эхом прокатившийся по пустынным дорожкам парка. Кита вздрогнула всем телом, резко обернулась и попятилась к Люку.

Увидев проступившие из темноты силуэты четырех парней, клавишник нахмурился и одним движением притянул девушку к себе. Кита была испугана и ошеломлена настолько, что даже не сопротивлялась.

– Слушай, братан. – Один из преследователей вышел вперед. – Иди-ка ты куда шел. Девочка с нами.

– Да ну? – скривил губы Люк. – Кажется, она не с вами, а от вас.

– Какая тебе нахрен разница?

– Представь себе, большая. А вы, ребят, что-то явно попутали.

– Нет, это ты что-то попутал. – Парень демонстративно хрустнул костяшками. – Вали по-хорошему, а? Девчонку оставь.

– Ага, разбежался. – Люк сильнее прижал Киту к себе и почувствовал, как та растерянно вцепилась пальцами в его куртку.

– Слыш, пацан, не наглей, – рыкнул другой; он выглядел несколько старше остальных. – Хочешь, чтобы мы тебе прямо тут рожу начистили?

– Ну, рискни. – Клавишник недобро усмехнулся.

– Бесстрашный малый, а? – неожиданно расхохотался он. – Ты один. А нас много.

Люк бросил мимолетный взгляд в сторону.

– О, нет, ошибаешься. Я вовсе не один.

Парень сделал шаг и угрожающе занес кулак, когда воздух внезапно взорвался залиvistым смехом. Этот смех поддержали криками, свистом и улюлюканием. Преследователи застыли, а Люк победно улыбнулся.

– Вы ведь не хотите неприятностей?

– Эй, нам и правда не очень нужны проблемы, – отозвался один из них и сделал пару шагов назад. – Тут уже не безлюдно, а я на это не подписывался. Мы и так на учете стоим, если нас засекут...

– Идиот! – Тот, что постарше, бросил ненавистный взгляд на Люка и дрожащую в его объятиях Киту. – Считайте, что вам повезло. Пошлите отсюда, парни.

Преследователи исчезли довольно быстро. Люк обернулся и мысленно поблагодарил шумную компанию, которая слезла со своего места у входа и теперь передвигалась по парку, продолжая нестройно напевать Nirvana. Блеф удался на славу.

– Эй, ты в порядке? Кита? – Он отстранил девушку от себя и только сейчас заметил, как по ее щекам катятся молчаливые слезы. – Не в порядке. Так, – он погладил ее по спине, – все позади, слышишь? Пойдем, посидишь у меня, вы-

пьешь чего-нибудь, успокоишься. И расскажешь, что у тебя случилось.

Кита некоторое время пялилась на бегунок, болтавшийся на нагрудном кармане куртки Люка. Потом опомнилась и вяло кивнула.

– Тогда идем, – Люк приобнял ее за плечи и повел рядом с собой.

Когда Кита переступила порог дома Люка, она все еще находилась в легкой прострации. Она не помнила дорогу, не помнила, как Люк открывал калитку и узорчатую дверь. Единственная мысль, посетившая ее, была осознанием: “Ого... Люк живет в собственном доме...” Дом был не очень большим, но двухэтажным, и трудно было поверить, что он принадлежит студенту колледжа.

Люк помог Ките снять пальто, отправил ее в ванную приводить себя в порядок, а сам принялся готовить чай. Когда спустя почти десять минут девушка робко вышла на кухню, потирая слегка покрасневшие щеки, на столе все было готово. Ей жестом предложили сесть, налили чай с лавандой, после чего парень устроился на стуле напротив.

Кита какое-то время изучала темно-зеленую скатерть и мяла края свитера. Люк терпеливо ждал, когда она начнет – ей было необходимо выговориться.

– Извини... – наконец, выдавила она.

Брови блондина поползли вверх

– За что?

– За... неприятности.

– Какие еще... а...

– Я на тебя налетела там, в парке, даже не извинилась. А еще эти... – Нижняя губа у девушки задрожала.

Люк торопливо перегнулся через стол и положил свою ладонь на ее холодные вспотевшие руки.

– Все нормально. Все закончилось. Поверь, отвязаться от хулиганья – это не такая уж и проблема.

– Они ведь могли... ты ведь мог пострадать...

– Не пострадал же? Эй, – он потрепал ее по руке, – все отлично. Не забивай голову ерундой. Лучше скажи, что ты там делала после девяти?

Кита охнула и схватилась за телефон. На часах было почти десять.

– Я что, больше часа пробегала от них по парку?.. – безжизненно отозвалась она.

Люк мягко улыбнулся.

– Повезло, что я мимо проходил.

– Я просто... дура я, – буркнула Кита и потерла глаза. – Не захотела платить за такси. Хотела срезать через парк, и вот...

– Пей чай. – Люк пододвинул чашку ближе, чтобы переключить ее внимание. – Остынет.

Больше тему вечерних походов Киты по парку они не поднимали. Почти полчаса Люк развлекал ее небольшими рассказами, шутками, заставляя забыть о произошедшем, и наконец девушка начала улыбаться и даже пару раз засмеялась. Потом у Люка неожиданно зазвонил телефон и он, извинившись, отошел в гостиную.

– Том? Не поверишь, что сейчас расскажу...

– Подожди, сначала я хочу попросить тебя кое о чем, – перебил его друг. – Тут Кита Миасс потерялась...

Люк едва не расхохотался.

– Она уже нашлась.

В ответ раздалось невнятное бурчание, а потом вокалист отозвался:

– Прости, чуть не уронил телефон. Что ты сказал?

– Примерно час назад я столкнулся с ней в парке Аваша. Попробуй угадать, что случилось.

Томас справился с задачей довольно быстро.

– И почему я не удивлен, – вздохнул он, когда Люк пересказал ему события.

– Она немного пришла в себя. Я сейчас вызову ей такси и отправлю домой. Встретишь?

– Встречу. Мне нужен чертов чайник.

– Прости, что?

– У меня сломался чайник, – принялся объяснять Томас. – Я подумал, что смогу занять у нее до конца дня, но ее дома не оказалось. В восемь вечера это было еще ничего, но когда

пошел одиннадцатый час, я стал беспокоиться. Дила на уши поставил...

Люк представил себе, как Томас караулит Киту у двери ее квартиры в надежде перехватить чайник на вечер, и расхохотался.

– Я ей передам, чтобы сразу готовилась, – отозвался он, возвращаясь на кухню. – А... или не передам.

– Что?

– Да тут... проблемка одна случилась...

Люк облокотился о дверной проем и тепло улыбнулся. Кита, которую он оставил одну на кухне, уже уронила голову на стол и дремала.

– Знаешь, пусть у меня переночует, – решил он. – Она здорово вымоталась. Не хочу ее будить.

– Я останусь без чая... – обреченно вздохнули по ту сторону трубки.

Утро встретило Киту незнакомым потолком. Девушка долго таращилась на него, силясь вспомнить, что это за потолок и где она находится. Потом она наконец села и огляделась. Увиденное обескуражило ее еще больше: она обнаружила себя на небольшой постели, рядом стояла прикроватная тумба, а у противоположной стены – шкаф и небольшой письменный стол со стулом. Сквозь темно-фиолетовые што-

ры просачивался холодный утренний свет.

События вчерашнего дня были расплывчатыми, но память услужливо подсказала Ките, что она была в гостях у Люка и, вероятно, все еще здесь. Хороший вопрос – а где сам хозяин дома?

Кита потрогала руками спутанные волосы и еще раз оглядела комнату, в этот раз в поисках зеркала. Последнего тут не оказалось. Девушка мысленно посетовала на бедность (вернее, аскетичность!) комнат парней и направилась к двери.

Маленький коридорчик привел ее к лестнице, ведущей со второго этажа в гостиную. Кита свесилась с перил и довольно быстро обнаружила объект своего поиска. Нет, не зеркало – хозяина дома. Люк спал на диване, прикрыв лицо предплечьем. Рядом на журнальном столике была разложена куча бумаг, исчерканных, исписанных; часть из них лежала аккуратной стопкой на краю. Поверх всего этого были разбросаны карандаши и лежал черный iPhone 8.

Ките стало не по себе. Похоже, она всю ночь проспала в комнате у Люка, а тому пришлось ютиться на диване. Она терпеть не могла ставить кого-то в неудобное положение. А если учесть вчерашнюю историю...

Тишину разорвал задорный звонок. Кита, которая собиралась тихонько спуститься в прихожую за своей сумкой, подпрыгнула на месте и едва не скатилась по лестнице. Люк недовольно замычал и не глядя потянулся рукой к столу, пытаясь нащупать телефон.

– Да?.. – сонно отозвался он в трубку, нехотя открывая глаза. – Да... сплю, представь себе.

Кита тихонько сбежала вниз.

– Откуда я знаю? Я же сплю, – возмутился Люк после небольшой паузы и поднял голову над диваном. Его взгляд пересекся со взглядом Киты, и он приветственно кивнул. – Все нормально. Правда, Том, ты иногда чересчур заботлив. Во сколько? Через час? Думаю, часа хватит с лихвой. Конечно. Я позвоню. До связи.

Айфон отправился обратно на столик, а Люк откинулся на подушку.

– Шея болит, блин... Ты там как, нормально выспалась?

Кита не сразу поняла, что обращаются к ней.

– А... да, все отлично, спасибо. За исключением того, что я немного потерялась.

Люк издал звук, похожий на смешок.

– Где? В комнате?

– Можно и так сказать. Знаешь, просыпаться с незнакомым потолком как-то... непривычно.

Клавишник расхохотался и тут же схватился за шею.

– Ой, – спохватилась Кита, – Ты извини, я не должна была занимать твою комнату.

– Брось, я же сам тебя туда отнес. – Люк сел и с наслаждением потянулся. – Завтракать будешь?

– М... не откажусь.

Кита невольно удивилась тому, как изменился Люк, стоило ему зайти на кухню. Обычный студент колледжа и музыкант остались за порогом, и О'Милан превратился в настоящего повара. Профессионализм чувствовался в каждом его движении, среди которых не было ни одного лишнего – вчера Кита не придавала этому особого значения, но сегодня не смогла оторвать взгляда. Руки Люка порхали между разделочной доской, где аккуратными кусочками нарезались овощи, и электрической плитой с небольшой кастрюлей и грилем. Кита ничего не смыслила в кулинарии, ее собственные навыки оставляли желать лучшего – она неплохо резала салаты и готовила различные полуфабрикаты, и этим дело ограничивалось. Ее никогда особо и не интересовала кулинария. Но, глядя на Люка, она понимала, что могла бы наблюдать за процессом вечно.

Вскоре перед Китой появился завтрак: яйцо пашот с тостом, авокадо и дольками томата, оформленные листьями салата. Несколько секунд художница разглядывала тарелку с аккуратно разложенными дольками, оценивая внешний вид, и не смогла сдержать восхищенного вздоха.

– Ничего себе! Выглядит просто потрясающе!

– Ты попробуй, – мягко улыбнулся Люк, поправляя заколку на лбу.

Дважды ее уговаривать не пришлось: Кита взяла вилку и осторожно разрежала ей яйцо. Золотистый жидкий желток неспешно растекся по тарелке, и теперь без того совершенное блюдо стало безупречным, словно бы в законченную картину внесли последний, финальный мазок.

На вкус завтрак оказался не менее восхитительным. Кита не смогла остановиться, пока тарелка не опустела. Люк был более сдержанным: он ел медленно, краем глаза наблюдая за реакцией девушки, и улыбаясь одними уголками губ.

– Где ты научился так готовить? – не удержалась от вопроса Кита. – Не знала, что среди парней встречаются кулинары.

– Еще как встречаются, – отозвался О’Милан. – Меня научила мама. Она... – он неожиданно замялся. – Моя мама – шеф-повар в... одном ресторане.

– Одном ресторане?

– Две звезды, – признался он.

Кита кивнула. Она слышала, что семья О’Милан была состоятельной. Неудивительно, что их сын имел свой собственный дом в новом городе, носил не самую дешевую одежду и знал толк в стиле и манерах.

– Не особо люблю об этом говорить, если честно. – Люк постучал пальцами по столу.

– Почему?

– Не хочу, чтобы меня как-то выделяли из-за этого. Может, моя семья и богата, но я такого к себе отношения пока не заслужил.

– Слухи о твоей семье все равно по всему колледжу ходят. Честно, мне всегда было интересно, что ты вообще в этом колледже делаешь.

– Мне предлагали поступить в университет, – пожал плечами Люк. – Отчим даже хотел оплатить мое обучение в Канаде. Но я отказался.

– Почему?

– Не хочу быть зависимым от него.

Кита уставилась в свою тарелку. Ей много что хотелось спросить, но после последних слов у нее не поворачивался язык.

Неловкое молчание нарушил очередной звонок. Люк опомнился не сразу и рассеянно потянулся за телефоном в карман.

– Да? Что, уже? Хорошо. Кита, – Люк прикрыл рукой микрофон, – собирайся. Такси приехало немного раньше.

– Такси? – опешила та.

– Да, такси. Тебе недолго же? Все вещи в прихожей, где ты их вчера оставила.

Кита спешно подскочила с места и натянула на себя свитер. Пока Люк разговаривал с кем-то по телефону, вопросы, которые ей так хотелось задать, напрочь вылетели из головы.

– Выходи, машина ждет, – поторопил ее парень, и Кита поспешила к двери.

Когда она нажала на ручку и толкнула дверь, ее взору предстало удивленное лицо ее водителя.

Кита вылупилась на него во все глаза.

Перед ней стоял последний, кого она ожидала увидеть – Дилан Ройал собственной персоной.

– Люк, твою мать, это как вообще понимать?

Басист был в бешенстве. Когда немая сцена закончилась и ошеломленная Кита была отправлена к машине, он накинулся на Люка с требованиями объяснить, что тут происходит.

– Во-первых, это твоя работа, – невозмутимо отозвался Люк.

– Это подстава! Натуральнейшая! Ты прекрасно знаешь, что мы не ладим!

– Во-вторых, – продолжил О’Милан, – вам давно пора поговорить. Вот и пообщаетесь в поездке.

– Ты шутишь? – взревел он. – И ты вызвал меня с работы только поэтому?

– Не с работы, а для работы. И не я, а Том. Не переживай, получишь ты свои деньги. Напомни, я тебе на карту сброшу.

– Ты... – У Дилана не осталось приличных слов, одни непечатные. Он фыркнул и провел рукой по серебристым волосам. – Не повезу я ее никуда! Я в ваши с Томми игры играть не собираюсь!

– Кошмар. – Клавишник закатил глаза. – И что ты ей скажешь? Она уже в машине, выкинешь ее оттуда, что ли? И

вообще, неужели тебе так сложно отвезти девушку домой?

Дилан скрипнул зубами.

– Издеваешься?

– Просто интересуюсь.

– Хрен с вами. – Дилан выругался. – Отвезу. Но вы мне крупно должны будете. Оба!

– Ладно, ладно. Давай, вези.

“Еще посмотрим, кто кому должен окажется...” – подумал он, провожая басиста взглядом.

Дилан залетел в кабину водителя и рывком повернул ключ зажигания. На Киту он даже не взглянул. Его серебристая Nissan Teana заурчала и тронулась с места.

Даже для такого небольшого городка, как Нарвиль, утро буднего дня превращалось в настоящий кошмар на дорогах. Дилан надеялся, что они смогут проскочить по объездной, но жестоко ошибся. Понял он это слишком поздно, когда уже заехал на развязку и давать обратный ход было поздно.

Первое время поток машин вяло двигался по трем полосам. Дилан нервно постукивал пальцами по рулю, переводя взгляд с зеркал заднего вида на багажник красного фиата впереди. Киту, сидящую на пассажирском месте, он видел краем глаза, но старался на нее не смотреть. Девушка даже не пыталась завести разговор и молча изучала виды за окном.

Впереди случилась какая-то авария, прямо по центральной полосе рядом с очередной развязкой. По крайней мере, такая информация была на картах Google. Пробка растянулась на несколько километров; машины то двигались, то останавливались, и Дилан мог предположить, что движение открывали интервалами – сначала им, потом на въезд, потом снова им и так далее. В этой теории он убедился, когда машины окончательно встали и водители вылезли на морозный воздух покурить.

Дилан пробубнил себе под нос очередное ругательство и заглушил двигатель. В салоне повисла гнетущая тишина: Кита все так же молчала, разглядывая фиат, который теперь стоял в правой полосе, а сам басист погрузился в свои размышления.

Дилан прекрасно понимал, за каким-таким надом Томасу приспичило отправить его к Люку этим утром. Он был уверен, что эти двое спелись и спланировали их с Китой встречу. Они могли подгадать все, включая пробки на дорогах, чтобы у него, Дила, был прекрасный шанс поговорить с Миасс. Вот только он их о таком шансе не просил и планировал вытребовать с Томаса объяснение. По-любому, Томас был зачинщиком. Последние полторы недели только и твердил о том, что Дилану следует объясниться.

Дилан и сам прекрасно понимал, что в той ситуации оказался не прав. Однако он был не из тех людей, кто признает свое поражение. Выросший в приюте, он крепко-накрепко

запомнил простую истину, действующую в его стенах: поражение – признак слабости, а слабые не выживают. И пусть времена приюта прошли, а его мир изменился, отказаться от истин, являвшихся основой его прошлой жизни, ему оказалось не под силу – слишком глубоко они въелись в его сознание, слишком сильная боль скрывалась под ними. Дилан злился на себя за то, что не мог переступить свою гордость и просто извиниться. Не смог, когда чуть не сбил Киту на дороге, когда после этого встретил ее в колледже; не может и сейчас. Всего одно слово. Одно чертово слово!

“Разве это, – сказал ему как-то Томас, – не есть слабость, которой ты так боишься?” И эти слова не выходили у Дилана из головы.

Парень сжал руль так, что побелели костяшки, после чего откинулся на сиденье. Кита сделала вид, что ей все равно, хотя стиснутые пальцы на ручках сумки выдавали ее напряжение с головой. Дил провел рукой по коротким волосам и вздохнул.

– Ты злишься за тот раз, – сказал он наконец, больше себе, нежели ей.

Кита поджала губы. Отвечать она не хотела, но колкость вырвалась сама:

– Не только из-за этого, знаешь ли.

– Я должен был извиниться, но до сих пор этого не сделал.

Ты это хочешь сказать?

– А ты хочешь сказать, что простых извинений будет до-

статочно?

Дилан отчетливо расслышал в ее голосе обиженные нотки. Разумеется, она злилась. Если бы на него наорал водитель, едва не сбивший его минутой ранее, он наверняка бы огрызнулся. Это в лучшем случае. В худшем он бы без разбора дал в рожу. Ясно, что Кита была слишком мягкой, чтобы дать отпор, и вдобавок тогда она совершенно растерялась. Дил хорошо помнил, как блестели испугом ее глаза, как дрожали губы, как она сжимала в руках сумку, не понимая, огреть его этой самой сумкой, бежать прочь или же расплакаться прямо на месте.

– Я тогда... вспылел немного. – Слова давались ему неохотно. – Дело вообще не в тебе было.

Кита хмыкнула. Было видно, что попытка помириться ее совершенно не впечатлила. Дилан чувствовал, что начинает раздражаться, но не на нее, а на себя самого.

– Когда мне было пять, – неожиданно признался он, – мои родители погибли в ДТП. Как-то в выходной они возвращались домой... уже и не помню, откуда. Вышли на переход, светофора там не было. Водитель грузовика их не заметил и не успел затормозить.

Говоря все это, Дилан не отрывал взгляда от бокового зеркала, в котором отражался курящий водитель стоящего позади грузового форта. Он был бы не прочь сейчас прекратить этот разговор, выйти из машины и покурить, однако сигареты у него кончились, а за новыми он зайти не успел. Дилан

не заметил, как обернулась Кита, оторвавшись от разглядывания красного фиата в соседнем ряду.

– Долгое время я едва не проклинал того водителя. Я был уверен, что во всем был виноват лишь он, что он несправедливо лишил жизни моих родителей. Лишь спустя несколько лет я смирился с тем, что его вины в произошедшем не было. И в очередной раз понял это, когда едва не сбил тебя на перекрестке. Забавно, – он прикрыл глаза рукой и криво усмехнулся. – Я сам оказался на месте того, кого ненавидел все детство. Наверное, это меня и взбесило. Так что... извини за это.

Кита продолжала молчать, но Дилан не был уверен, что девушка просто подбирала слова. И, к его огромному облегчению, ошибся.

– Наверное, я сама повела себя не лучше, – наконец, нарушила молчание Кита. – Мне стоило высказать все еще тогда. Быть может, у нас вышло бы договориться. Но вместо этого я молча проглотила оскорбления и просто убежала. И следующие полгода тоже молчала, хотя давно нужно было поговорить. Молчать и обижаться было удобнее, вот и все. Так на меня похоже...

– Удобнее? – Дилан приподнял ладонь и скосил глаза. – То есть, тебя устраивало, что из-за этого у тебя были проблемы с другими студентами? Студентками, – поправился он.

– А с чего ты взял, что проблемы с ними у меня из-за этого? – удивилась Кита.

Басист застыл, а потом коротко выругался.

– Томми мне плешь проел, говорил, они тебя задирают, потому что мы не в ладах.

– Ну... дело не совсем в этом... – замялась Кита. – Я бы сказала, вообще не в этом. Просто... ну...

– Знаю, – перебил ее Дилан, – общество всегда выбирает слабейшего. И они выбрали тебя, потому что ты не огрызаешься и ничего не можешь им сделать. Как по мне, давно их нужно было в лужу ткнуть, да поглубже и погрязнее. Впрочем, кто-нибудь обязательно ткнет, рано или поздно, – он ухмыльнулся.

Последнего намека Кита не поняла, но расспрашивать не стала. Сзади послышался требовательный гудок, и Дилан едва не подскочил на водительском сидении.

– Заболтались, – пробурчал он, поворачивая ключ. – Надеюсь, успеем протиснуться в этот промежуток и выбраться из адской пробки.

Девушка пожала плечами и снова уставилась в окно. В этот раз на ее лице блуждала легкая улыбка.

Когда Кита переступила порог своего дома, на часах было почти двенадцать. Она тихонько сползла спиной по двери и прикрыла глаза. То, что происходило с ней последнее время, переставало поддаваться логике и смахивало на странное

стечение обстоятельств. Но случайностей в жизни не было. Перси много раз говорил ей об этом. И Кита теперь понимала это.

Все началось с того самого подарка тайного Санты. И с горе-курьера, который ошибся квартирой и случайно вручил его не тому адресату. Если бы не это, она бы не искала поводов пообщаться с ребятами из “SunRise”, не столкнулась бы с Лиэн и ее подпевалами. На ее проблемы не обратил бы внимание Томас. И они бы с Диланом так и не поговорили.

Хотя, не так. Все началось с той злосчастной красной ленточки на дороге. И несостоявшегося ДТП.

Когда она выходила из машины, Дилан сказал ей напоследок: “Наверное, это хорошо, что мы наконец во всем разобрались. Но постарайся больше не молчать – ни о своих проблемах, ни о чувствах. Они касаются не только тебя. Может так случиться, что в один момент ты попросту не сможешь высказаться”. Ей никогда раньше не приходило в голову, что своим молчанием она заставляла волноваться о ней других. Да и не только о ней.

Кита разулась, скинула пальто и решительным шагом направилась в свою комнату. Там, в шкафу, до сих пор покоился подарок, который принадлежал не ей – Томасу, и который уже давно следовало бы вернуть. Стоило как следует поблагодарить и вокалиста “SunRise”, и отправителя, и курьера, и того, кто затеял этого тайного Санту в городе. Пора было расставить все на свои места.

Когда Кита, спрятав руку с подарком за спину, решительно позвонила Меймону, дверь открылась на удивление быстро.

– Привет, – обрадовался парень. – Ну, ты как?

У девушки вытянулось лицо.

– А... почему ты спрашиваешь?

– Люк мне рассказал о вчерашнем.

– А... Да, все в порядке. Но ты ведь не только об этом, я права? – Кита нахмурилась. – Твоих рук дело?

– Ты о чем? – обезоруживающе улыбнулся тот.

– Не прикидывайся. Ты же знаешь, что Дилан отвозил меня домой. По-любому хочешь знать, помирились мы или нет. И прежде чем я отвечу на твой вопрос, я скажу, что это было подло!

– Но вы ведь помирились? – с надеждой спросил Томас.

Кита молча сверлила его недовольным взглядом, но спустя несколько секунд сдалась.

– Помирились.

– Слава богу! – не скрыл облегчения парень. – Вот видишь, это было оправдано!

– Ну знаешь!.. Впрочем, я к тебе совсем не за этим.

Кита помедлила, словно растеряла всю свою решимость. Томас выжидающе скрестил руки на груди.

– А зачем?

– Вот. – Она зажмурилась и протянула ему нарядную коробочку.

Томас осторожно принял ее, словно ждал какого-то подвоха.

– Это... от тебя?

– Да... В смысле, нет! Не от меня. – Кита замахала руками и слегка покраснела. – Недели две назад ко мне постучался курьер и вручил это. Я не знала, что это и от кого – курьер быстро смылся. Поэтому... распаковала. Мне до сих пор за это неудобно.

– Так а что это было? – Томас перевернул бирку, висящую на веревке, и прочитал содержимое. – Подарок от тайного Санты?

– Ага...

– Ого, ничего себе! – Он восторженно оглядел упаковку. – Не думал, что подарок будет... такой!

Кита неловко кашлянула.

– Упаковку я сама сделала. Ту, что была, я ведь раскрыла. Неудобно было отдавать тебе содержимое просто так, хотя первую неделю именно это я и пыталась сделать.

– Ах, вот оно что... – догадался Томас. – Значит, мне не показалось, что ты крутилась вокруг нас и искала случая поговорить.

Уши Киты запылали.

– Если что, – промямлила она, – предыдущая упаковка была не очень. Не думаю, что тебя бы она впечатлила. Хотя, моя тоже не ахти...

– Она потрясающая! Ты дизайном случайно не увлека-

ешься?

– Ну... вообще-то я рисую...

– Серьезно? – Томас моргнул. – Что ты вообще на прикладной информатике делаешь?

– Это долгая история. Расскажу ее как-нибудь потом. Рада, что тебе пришлось по душе. Думаю, что сам подарок понравится тебе еще больше, но благодарность за него будешь высказывать уже не мне.

– Спасибо, – тепло улыбнулся Томас. – Кстати, не хочешь чаю?..

Сказав это, он замер. Лицо у него забавно вытянулось.

– Черт. Я совсем забыл! Чай! Чайник!

– Что? – опешила Кита.

– У меня сломался чайник. Я вчера хотел попросить его у тебя, но ты оказалась не дома.

Кита улыбнулась.

– Пойдем. В этот раз и у меня найдется что-нибудь сладкое.

После непростого месяца последний вечер уходящего года был особенно приятным. Потратив первую половину дня на мелкие, но значимые дела, Кита дождалась прихода Алис и вместе они взялись за приготовление закусок и салатов к праздничному столу. К слову, Алис тоже была не ахти каким

кулинаром, поэтому сильно заморачиваться они не стали и в дополнение ко всему заказали пиццу.

Квартиру Кита украсила скромно: пара гирлянд, немного мишуры на полках и шторах и небольшая искусственная елочка на стол. Для праздничной атмосферы хватило и этого.

Вечером девочки сварили глинтвейн по рецепту отца Алис и уселись перед телевизором. Кита включила какой-то старый диснеевский мультфильм, но почти его не смотрела. Они потягивали ароматный рубиновый напиток из больших кружек, и Алис мучила подругу расспросами.

– Значит, помирились? И ты вроде как даже подружилась с санрайзами? Ну ты даешь! А что, кто-нибудь тебе приглянулся?

– Не пори чушь, – отмахнулась Кита. – Я? С ними? Ха-ха.

– А мне кажется, вышла бы неплохая пара. Художница и музыкант.

– Какая я художница... Вот они музыканты, это да.

– Ой, началось...

За стеной раздался взрыв хохота, и Алис ненадолго замолчала и прислушалась. Кита продолжала потягивать глинтвейн из кружки: она прекрасно знала, что ребята из “SunRise” собрались у Томаса и празднуют Новый год в его тесной квартирке. Одно ей было непонятно – почему они не собрались у Люка? Его дом отлично бы подошел для подобной вечеринки.

– Может, присоединиться к ним позже? – задумчиво протянула Алис. – Мне кажется, они были бы не против разбавить свою сугубо мужскую компанию прекрасными девами.

Кита пихнула ее в бок.

– Шутишь?

– Я абсолютно серьезно, – заявила подруга.

– Да ну тебя!

Вдруг раздался звонок в дверь. Девушки переглянулись.

– Пойду, посмотрю кто там, – неуверенно протянула Кита и поднялась с дивана.

– Посмотри, посмотри... – Алис довольно прищурилась и пригубила кружку.

В прихожую Кита входила в смешанных чувствах. Одна ее часть тихо надеялась на то, что это будет кто-то из санрайзов. Другая говорила, что все это пустые мечты и им она совершенно не нужна. Когда она заглянула в дверной глазок, сердце ее сделало кульбит, а часть, которая надеялась, возликовала.

У двери стоял Люк.

Кита торопливо отперла замок и так поспешно налегла на ручку, что едва не вывалилась в подъезд.

– Привет, – сказала она почти одновременно с клавишником и тут же смутилась.

– Не отвлек от праздника? – кротко улыбнулся Люк.

– Никак нет! – отозвалась за нее Алис, которая быстренько нарисовалась у подруги за спиной. – А вы какими судь-

бами, уважаемый молодой человек? Случайно не ищете очаровательных компаньенок на сегодняшний вечер?

– Случайно не ищу. – Голубые глаза блондина смеялись.

– Вот оно как! Какая жалость. Тогда мы совершенно ничем не можем вам помочь! – Алис тряхнула волосами и поправила очки на носу.

– Прости за это, – прошептала Кита, скромно потупив взгляд.

– Не надо извиняться. Я как раз хотел сказать, что уже нашел очаровательных дам. Однако согласятся ли они составить нам компанию?

– Надо подумать... – Алис наигранно потерла подбородок. – А что вы предлагаете дамам?

– Свою веселую компанию, – улыбнулся Люк. – И потрясающий новогодний ужин.

– Последнее мне особенно нравится. Ну, Кита? Идем? Девушка окончательно растерялась.

– Глинтвейна на всех не хватит, – пискнула она.

– Вино есть, – тут же отозвался Люк.

– У нас еще три коробки сока и фруктов полный поднос, – подхватила Алис.

Кита вздохнула и закрыла пылающее лицо руками.

– Уговорили, – промямлила она.

– Поможешь с кастрюлей? – спросила ее подруга у клавишника.

– Без проблем.

А Кита вдруг вспомнила одну странную поговорку, которую, как рассказывала мама, очень любили повторять русские: “Как Новый год встретишь, так его и проведешь”. Она никогда не понимала, откуда она появилась и что значила, но именно сегодня, в тот момент, когда Люк переступал порог ее квартиры, она подумала, что этот Новый год обязан был изменить все.

Не зря же декабрь стал для нее временем больших перемен?

14 декабря 2020